

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

КЛАССИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

СМЕРТЬ
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

ЭКСМО

Николай Иванович Леонов

Смерть в прямом эфире

Серия «Гуров», книга 24

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120824
Смерть в прямом эфире: Эксмо; Москва; 1998
ISBN 5-04-001293-4

Аннотация

Противостояние сыщика Гурова и киллера экстра-класса – пружина новой повести Николая Леонова. Убийство популярного телевизионного диктора, преследующее политические цели, выводит Гурова на «расконсервированного» ради этого исполнителя – тайного сотрудника спецслужб. Под силу ли сыщику тягаться с суперподготовленным убийцей, чьей следующей жертвой может стать он сам?

Содержание

Пролог	4
Глава первая	8
Глава вторая	36
Глава третья	55
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Николай Леонов

Смерть в прямом эфире

Пролог

Убитый сидел в гримерной, где наводят марафет на телезвезд, свесив голову на грудь. В височной части виднелось небольшое пулевое отверстие.

Убийство произошло за пять минут до прямого эфира, когда диктор первого канала зашел сюда, чтобы положить тон, попудриться да поправить безукоризненную прическу.

Небольшая тумбочка стояла рядом с креслом, где сидел труп, – бывший популярный диктор, любимец женщин... За ней неловко примостился старший следователь городской прокуратуры и писал протокол осмотра места происшествия.

Следователь был полноватый, писать ему на узкой тумбочке было крайне неудобно. Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник милиции Гуров стоял в дверном проеме. Он хотел сказать приятелю, мол, сядь ты как человек, ты сейчас здесь главный. Однако молчал.

Полковник Гуров в данный момент выполнял важную роль швейцара, то есть никого и никуда не пускал. Ни в гримерную, ни из гримерной. Известие об убийстве распростра-

нилось по телецентру неимоверно быстро, и все время находились люди, которым было жизненно необходимо войти в небольшую примерную.

Молоденькая худенькая уборщица в линялом, некогда синем халате требовала тряпку, забытую у тумбочки, так как тряпку обязательно сопрут, а их не напасешься.

Гуров спокойно объяснял: пока он здесь стоит, из комнаты ничего не сопрут.

– Вон лежит в углу! – чуть не плакала женщина. – Я только возьму и уйду.

– Нельзя, в тряпку завернут пистолет, – врал Гуров, преграждая ей путь.

– Раз-ре-ши-те, – раскатывая слова по слогам, рокотал мужчина начальственного вида. – Я член совета директоров!

Гуров смотрел на растущую толпу поверх лысеющей головы молодого начальника:

– Уберите ногу, я испорчу ваш дорогой ботинок. – Отодвинул ногу директора с порога, закрыл дверь и привалился к ней спиной.

Следователь и оперативник работали вместе не первый раз. Гуров поражался тому, как быстро Гойда пишет. Поражался его непробиваемому спокойствию и полному несоответствию округлой, мягкой внешности – поистине железной выдержке и поразительной последовательности в соблюдении каждого пунктика закона. Конечно, уборщице тряпку можно было отдать, а настырного молодого начальника

в гримерную на минуту впустить, но только не тогда, когда работал Гойда. Впущен был лишь врач, констатировавший смерть, даже следственная бригада, которой предстояло возиться и возиться, ждала за порогом.

Фотографирование, поиски несуществующих отпечатков пальцев, не имеющих никакого отношения к делу следов – все это было еще впереди.

Разумеется, «швейцаром» можно было поставить не полковника, а сержанта, но Гуров знал: дотошный Гойда никогда ничего просто так не делает. И лучший из московских сыщиков достойно нес свой крест, не отвлекал товарища разговорами, не советовал, что еще необходимо внести в протокол осмотра. Следователь лучше делает свою работу. Пройдет время, и сыщики не раз перечитают его протокол, бывает, единственную бумагу в деле, в которой есть какая-то зацепка, возможность найти что-то новое и ценное, порой решающее.

– Лев Иванович, впускай криминалистов, – сказал Гойда, складывая свои листочки и растирая затекшую поясницу. – Понятые, подойдите, пожалуйста, и распишитесь.

Следователь и опер вышли в коридор, Гойда сказал:

– Вы не стойте здесь, господа, ничего интересного за дверью не происходит. Криминалисты закончат свою работу, дверь я опечатаю.

– С Ленеи-то попрощаться можно? – спросил кто-то.

– Труп увезут, все остальные вопросы – к телекомпании

и родственникам. Похороны. Поминки. Будет ли выставлен гроб и когда.

По коридору приближалась большая группа мужчин явно руководящего вида. Гуров узнал своего непосредственного шефа – начальника главка генерал-лейтенанта Орлова, первого замминистра генерал-полковника Шубина, нескольких контрразведчиков и телезвезд. Сыщик взял следователя за плечо, пошел к выходу.

– Где только я трупы не осматривал, перечислить невозможно, – Гойда покачал головой. – На телецентре не приходилось.

– Ты не знаешь, почему телеведущий – большая потеря для людей, чем учитель, врач или фрезеровщик? – спросил Гуров.

– Не трогай меня, сыщик, – буркнул Гойда. Задрав голову, взглянул на Гурова. – Ты будешь очень смеяться, но у меня с семьей с понедельника путевки в Болгарию.

– Я не буду смеяться, – грустно ответил Гуров. – Ты ведь один на всю прокуратуру.

– Отстань. Дело уже поручено мне.

– Вот тебе и разница между телеведущим и телезрителем.

Глава первая

В кабинете генерала Орлова находились следователь прокуратуры Гойда и два сыщика – полковники Гуров и Крячко. Первый был начальником, и не только потому, что так руководство распорядилось. Гуров родился лидером, мыслил быстрее и конкретнее, пользовался большим авторитетом. Высокий, атлетически сложенный, всегда в строгом костюме, белой рубашке и галстук. Гуров и внешне разительно отличался от своего друга и подчиненного. Станислав Крячко был ниже на полголовы, круглее телом, предпочитал носить джинсы, свитера и куртки. Милицейские мундиры оперативники надевали редко.

– Я почему-то считал, – рассуждал Гойда, потирая аккуратные ладошки, – что нас соберут в актовом зале, за столом президиума усядутся министр, генпрокурор и дюжина генералов.

– Мне объявили служебное несоответствие, и митинг отменили, – ответил равнодушно Орлов, хотя от «служебного несоответствия» до пенсии меньше шага.

– Верно, ментов надо гнать, пора создавать народное ополчение. – Станислав Крячко был способен съязвить даже над телом друга. Он на собственных поминках сумел бы вставить слово.

Орлов, Гуров и Крячко работали вместе третий десяток

лет. Угроза увольнения начальника главка была доказательством бессилия руководства. За последние годы произошло несметное количество заказных убийств, результаты расследования колебались около нуля.

– По закону расследованием руководит следователь прокуратуры. Прошу, – Орлов кивнул Гойде. – Давайте нам задания, поручения, мы расстараясь.

Гойда работал с Орловым и его ребятами не впервые, но подобного не слышал.

– Загордиться хотите, – пробормотал он, а так как от природы был розовощек, стал пунцовым.

– Дурак ты, Игорь, потому и не обижаюсь на тебя, – Орлов хмыкнул, покачал головой. – Тоже мне, щит Тамерлана. Мне сказать нечего, вот я тебя и толкаю слова говорить.

– Разрешите, господин генерал, – сказал Крячко. – Там ребята с Петровки оказались. Я велел людей, прошедших на телецентр по разовым пропускам, переписать, кто успел уйти – отметить. – Взглянул на пунцового следователя и добавил: – Прокурор приказал.

Орлов понял, что опер обманывает, но вида не подал, буркнул одобрительно:

– Дождались, прокуратура не только пишет, но и оперативно распоряжаться способна. Перейдем к существу дела. Что начальство недвусмысленно дало понять: либо раскрываете, либо выкатываетесь – очередная глупость, по себе судят. Многим в креслах очень удобно, расстаться равносиль-

но смерти. Лично мне все обрыдло, выгонят – только спасибо скажу, у самого уйти сил нет. Хватит об этом. Чувствуете, нас на ковер не потащили, хотя телевизионщиков погибло, как в боевом взводе. Ни одно преступление не раскрыто. Убийство прямо на телецентре – и говорить нечего, полный беспредел. Мне заявлено: понадобятся люди – возьмете в городе или в райуправлениях. Словно я могу обойтись без людей. Хорошо, я с начальником МУРа договорюсь, и он мне не сонных мух даст, выделит лучших.

– Я хочу привычных парней, – сказал Гуров.

– Так бери, нам людей много понадобится. Телецентр – это город, там разобраться... – Орлов даже свистнул.

– Мне нужна комната в этом муравейнике, – сказал Гойда. – Иначе половина людей, которых найдут ваши ребята, до прокуратуры и не доберутся.

– Разумно, хотя вряд ли вам, уважаемый, это поможет. Теперь давайте ваши соображения: что случилось, почему убивают не в подъезде, а на телецентре? Лев Иванович, слушаю.

– Я буду говорить долго.

– Значит, сказать нечего.

– Не мой курятник, не разборка среди авторитетов.

– Не разбегайся, прыгай! – довольно грубо сказал Орлов. Обычно он в подобном тоне с Гуровым при посторонних не разговаривал.

Но сыщик лишь улыбнулся, точнее, оскалился, прищурил голубые глаза:

– Существует несколько взаимоисключающих факторов. Стреляли из «вальтера» с глушителем. В помещении таким оружием пользуются профессионалы. Расстояние примерно девять с половиной метров и точно в висок, считай, в десятку. Профессионально. Все остальное – чушь собачья, работа дилетанта. Проход по коридору никак не регламентируется, в любой момент может открыться соседняя дверь. Ясно, убийство совершено без подготовки. Кто станет готовить убийство в таком людном месте? А пистолет профессиональный. Даже бандит не таскает в кармане такое оружие повсюду.

Гуров сделал паузу, затем продолжал:

– Убит диктор. Не комментатор, который может сказать нечто опасное, убит человек, по бумажке читающий чужой текст. Преступника могли схватить на месте. Как ни мало он знал, но что-то убийца знал. До заказчика мы бы не дотянулись, однако направление поисков определить сумели бы. Некто рисковал. А из-за чего рисковал – непонятно.

– Задавать вопросы умеет каждый, – перебил Орлов. – Разводить руками я тоже могу. Что-нибудь конкретное у вас имеется?

– Следует изучить текст, который не озвучил Леонид Голуб. Убежден, поспешность преступления...

– Глупости! – перебил Орлов. Генерала сегодня словно подменили. Он дал слово Гурову, хотя предпочитал, чтобы тот говорил последним, обобщая и анализируя; но обрывал

его, разговаривал грубо.

Неожиданно вмешался Станислав Крячко. Он лениво поднялся и сказал:

– Господин генерал, разрешите выйти?

– Коли приспичило, деваться некуда, а иначе сиди, – хмуро ответил Орлов.

– У меня человек вызван, – Станислав смотрел куда-то в угол, было ясно – он врет.

– Сиди, лгать грешно, – Орлов взглянул строго.

– Тогда я по коридору пройду, нужен буду – Верочка позовет, – как-то очень по-домашнему произнес Станислав. – Неудобно получается, господин генерал: вы моего непосредственного начальника ругаете, замечу, ни за что. До меня доберетесь – дым пойдет. Я нервничаю, у меня остатки мыслей выветриваются.

– Сиди, болтун, – уже миролюбиво ответил Орлов. – Когда ты меня по званию величаешь, я тоже неважно себя чувствую. Вы, ребята, хотя бы прокуратуры постеснялись. Пользуетесь многолетней дружбой, превращаете оперативное совещание в посиделки... Убили человека – вам начхать. Так вот сообщаю: по тому, как безразлично со мной разговаривал заместитель министра, ясно, что нас готовы принести в жертву общественному мнению. Десятки заказных убийств не раскрыты, никто не понес за это наказания. С подобной практикой пора кончать. В газетах напечатают, по телевидению объявят, что за халатное отношение к своим слу-

жебным обязанностям освобождены от занимаемых должностей... – он поднял взгляд на следователя прокуратуры. – И тебя, Игорь Федорович, за компанию, тем более что, согласно нашему замшелому законодательству, именно следователь прокуратуры возглавляет группу по расследованию убийства. Каким образом следователь способен руководить розыском убийцы, известно только Господу Богу.

– Какой дали срок? – спросил Гойда.

– А какой тебе по закону положен, такой и дали. У нас розыскные дела практически срока давности не имеют. Вас удивляет, что я шибко сердитый. А вы не обратили внимания, впервые громкое дело не взято под контроль. Никем. Понятно? Когда начнется рубка голов, под топором ни одна высокопоставленная не окажется. И ФСБ нам не пристегнули, никакой штаб не создали, видимо, и «свободной» прессе сказали: «Кыш!» В приемной никто не толкается. И вообще... – Орлов махнул рукой и не очень внятно закончил: – Я согласен, пора уходить, но ведь кое-что мы в ментовке сделали?

– Не буду размахивать шашкой, еще поборемся. Ты, Петр Николаевич, отдохни, а мы перейдем в свой кабинет, – сказал Гуров, поднимаясь и кивая коллегам на дверь.

В приемной он подмигнул притихшей секретарше, сказал:

– Верочка, напиши в трех экземплярах шапку плана оперативных мероприятий по розыску преступника, совершившего убийство... Далее ты все знаешь. А мы сейчас порабо-

таем над планом, Станислав тебе принесет. Сегодня, как никогда, все бумаги должны быть в ажуре.

– Лев Иванович, – Верочка даже не обратила внимание на юркнувшую по щеке слезинку. – А мне сообщили, что вас всех уже уволили.

– Люди торопятся, потому ошибаются, – Гуров вновь подмигнул, прошел в свой кабинет.

– Прокуратура, давай, у тебя глаз не так замылен, выкладывай. – Он открыл форточку и закурил, жестом показал Станиславу, мол, записывай.

– Торопливость и неподготовленность, – сказал Гойда. – Таковы два качества, отличающих это преступление...

– Торопливый, неподготовленный человек держит в кармане пистолет с глушителем, – усмехнулся Станислав. – И стреляет чуть ли не на глазах у изумленной публики.

– Они должны были заткнуть Леониду рот, не дать ему сказать то, что он собирался сказать, – ответил Гойда. – Если мы выясним, что собирался сказать диктор, мы узнаем, кто организовал преступление. Этот человек не занимает на ОРТ высокой должности, иначе он бы нашел предлог и просто отстранил диктора от эфира.

– Ты умен и достаточно наивен, Игорь, – вмешался Гуров. – Человек, нанявший киллера, может не работать на ОРТ и не иметь к телевидению никакого отношения. Но это вряд ли, я так, немного остудить тебя. Что может добавить к своему тексту диктор? Фразу, интонацию, не более того.

Тут нечто иное, друзья. Мне чудится здесь такое: паны дерутся, у холопов чубы летят, в конкретном случае головы. Наши первоначальные действия простые. Убийца не сотрудник телевидения, пришел не по пожарной лестнице, а по заказанному пропуску. На проверку мы направим наших друзей Нестеренко и Котова.

– Их надо снимать из охрannого бюро, компенсировать зарплату, откуда дровишки, сэр? – спросил Станислав.

– А мы обнаглеем, – Гуров снял телефонную трубку, набрал номер, когда ему ответили, сказал: – Здравствуй, Капустин, ты не надорвался в своем офисе? Гуров тебя беспокоит.

– Здравия желаю, Лев Иванович, работу подыскиваешь? – ответил начальник охрannой фирмы, где работали нужные Гурову люди.

– Если мне понадобится, наверное, я найду начальника рангом повыше.

– Шучу, шучу, слухи дошли тревожные, – Капустин сразу сменил тон.

– Слухи – это хорошо, люди просто так не звонят. Дерьмовые у тебя приятели, я тебе скажу. Для них самая большая радость, если человеку глаз выбьют, а лучше голову проломают.

– Ну, Лев Иванович, извини, сказал не подумавши.

– Ладно, сочтемся. Я вот по какому делу. Хочу на время забрать Нестеренко и Котова.

– Лучших берешь.

– Мне другие не нужны, – Гуров говорил резким, слегка хамоватым тоном. – И в этот раз, Капустин, ты ребят с оклада не снимай, у меня денег нет.

– Интересно, – Капустин снова начал набирать голос. – Я людям плачу, а они на тебя пашут?

– Не очень справедливо, но иного выхода сейчас не вижу. Так что передай, завтра к восьми прошу их в мой кабинет. А тебе советую со мною не ссориться. В жизни всякое может случиться, Капустин. Дома привет передай, – и положил трубку.

– Ты на него чего имеешь? – поинтересовался Станислав.

– Ничего, но он хам и трус, – равнодушно сказал Гуров. – Ты чего молчишь? Ты должен был выяснить все по телефонному звонку, который вызвал гримершу из гримерной.

Крячко, не желая оправдываться, ответил агрессивно:

– Господин полковник, если было что-либо интересное, я бы доложил мгновенно. Девицу зовут Зинаида Франтикова. Работает на телевидении около пятнадцати лет, рекомендуется как прекрасный мастер, любит коньяк и брюнетов. Душа компании, заводила, можно сказать, вполне современный человек. Что еще? Лишних денег не бывает, постоянно в долгах. В одиннадцать тридцать к ней в кресло сел Леонид Голуб, попросил «поправить» лицо и причесать. В прошлом они были близки, расстались мирно, после находились в нормальных товарищеских отношениях. Зина уже припудрива-

ла «звезду», когда ее позвали в соседнюю комнату к телефону. Позвала молоденькая девица, помощник редактора, данные ее имеются. Со слов Зинаиды, она извинилась перед Голубом, сказала, мол, ждет важного звонка и сию минуту вернется. Когда она взяла трубку, то услышала частые гудки. Они раздались после того, как Зина сказала: «Слушаю». Она не сомневается: трубку на том конце повесили после ее ответа, а не до. Показания гримерши подтверждают три девушки, находившиеся в комнате, где стоит телефон. Я, к сожалению, беседовал с девушками одновременно, а не порознь, но считаю, они говорят правду. Следовательно может всех допросить, – Станислав протянул Гойде листок с записями. – Телефоном пользуются все, многим постоянно звонят. Труп обнаружила, как известно, не Зинаида, а помощник режиссера, которая пришла за Голубом, боясь, что он явится в последнюю минуту.

– Я допрошу всех девиц, – сказал Гойда. – Одна из них теоретически вполне может оказаться соучастницей. Ведь кто-то назвал имя гримерши, Зина не одна там работает. Чтобы позвать к телефону, нужно точно знать, кто сейчас работает в гримерной. Наверняка убийца прошелся несколько раз по коридору, дверь открывается постоянно, он мог видеть мастера, но вряд ли может знать ее по имени. Или может? Конечно, поверхностный допрос конкретных результатов не дает, но почувствовать я могу.

– Я думал об этом, потому разговаривал с девочками чуть

небрежно, чтобы соучастница не готовилась к допросу, успокоилась. – Станислав вздохнул, взглянул на Гурова.

– С чего-то начинать надо, начнем традиционно. Хотя убежден: если мы хоть что-нибудь в деле раскопаем, выяснится: здесь все не традиционно, – ответил Гуров.

– Да уж, одно место преступления чего стоит, – Гойда поднялся, прошелся по кабинету. – Интересно, кто и за что меня к такой могилке пристроил? Вроде у меня врагов в прокуратуре нет. Я, Лев Иванович, вашим характером не обладаю, заслуг особых не имею, завистники с кирпичами за углом не стоят.

– Игорь, ты займись своей биографией на досуге, – резко сказал Гуров. – Тебе по рангу положено руководить расследованием, вот и рули. Мы готовы исполнять твои распоряжения.

Следователь-важняк из прокуратуры лишь выглядел не очень серьезно, он был мужик опытный, битый, на подобные подковырки не реагировал.

– Я приказываю, – он сунул в рот жвачку. – Договоритесь на телецентре о выделении мне комнаты с телефоном. Вызвать ко мне с интервалом в один час девушек, с которыми беседовал Станислав. Да, желательно, чтобы комната располагалась неподалеку от места преступления. – Гойда выдержал паузу, взглянул на Гурова и улыбнулся. – А вас, Лев Иванович, учитывая особые заслуги и огромный талант, я попрошу выяснить, каким образом на телевидении, конкретно

на ОРТ, появляются наличные деньги, доллары? Кто именно на канале имеет наивысшие левые доходы в валюте, сколько долларов в месяц имел Леонид Голуб? Были ли у него финансовые конфликты с руководством канала? И кто не по должности, а в действительности, решает вопрос о размещении рекламы?

– Понял, – Гуров кивнул. – Думаю, проще выявить убийцу, заказчика, собрать необходимые доказательства и завтра к полудню доложить вам результаты.

– Ну, если так проще, то действуйте, я не возражаю, – флегматично ответил Гойда. – Существует еще один путь. Вы, дорогой Лев Иванович, не говорите глупостей о моем руководстве и действуйте по своему усмотрению. Договорились?

– Договорились, – Гуров взглянул на давнего приятеля недобро и продолжал: – Я собирался, используя свои хорошие отношения с помощником прокурора Федулом Ивановичем, разведать, кто это в вашей конторе проникся любовью к старшему следователю, но, учитывая мою большую занятость, решил разведку отложить на будущее.

– Сам дурак! – сказал Гойда. – Будем работать или что?

– Попытаемся работать, – Гуров снял телефонную трубку. – И начну я с восстановления своей давнишней дружбы с известным комментатором ЦТ Александром Туриным.

– Ну не может мой дражайший шеф без блатных ходов, – сказал Станислав.

– А я что, даром пашу огород третий десяток лет? – усмехнулся Гуров. – Можно иногда и урожай собирать.

Три года назад Гуров столкнулся по работе с телезвездой Туриным, оказал ему услугу, а если называть вещи своими именами, так просто спас парню жизнь. В те времена они виделись почти ежедневно. Когда дело закончилось, каждого унесло в свое русло, закрутило в собственных заботах. Но домашний телефон Турина сыщик помнил, сейчас набрал. Трубку, как обычно, сняла жена, сам к телефону не подходил. А вот имя жены Гуров забыл, обратился безлично:

– Здравствуйте, извините за беспокойство, скажите супругу, что его спрашивает некто Гуров. Саша должен меня помнить.

– Здравствуйте, я вас тоже помню. – Женщина замаялась, после небольшой паузы сказала: – Подождите минуточку.

Гуров прикрыл трубку рукой, пояснил коллегам:

– Мой звонок не вызвал оваций. Насколько я понимаю, женщина напоминает супругу, что он мужчина.

– Здравствуйте, Лев Иванович, – произнес Турин хорошо поставленным голосом. – Я ждал вашего звонка. По старой дружбе могу сообщить: сегодня у нас состоялось совещание в верхах, где принято решение не вступать в контакты по поводу происшедшей трагедии. Я работник цеха, так что извините.

– Саша, ты в своем уме?

– Именно, – ответил Турин и положил трубку.

Гуров несколько растерялся, хотел улыбнуться, лишь хмыкнул и выругался непотребно.

– Лев Иванович, – произнес укоризненно Станислав. – Вы впервые столкнулись с человеческой трусостью?

– Вроде нет, однако не ожидал, – Гуров наконец положил трубку на место. – Так что же нас ждет в этой конторе, если Саша Турин, которому я... – он махнул рукой и зло сказал: – Ну, держитесь, человечки, мы ведь можем не только похорошему.

За месяц до описываемых событий промозглым летним вечером шел по Первой Тверской-Ямской некто Юрий Авилов, мужчина лет тридцати, как пишут в милицейских протоколах, среднего роста и среднего телосложения. Юрий не воевал ни в Афгане, ни в Чечне по причине судимости за разбойное нападение. На самом деле и нападения никакого не было, а случилась обычная уличная драка. Однако Авилов двух мужиков изувечил, затем надел на свою голову шляпу одного из нападавших. И ножик выкидной с земли поднял. Такой ерундой один из отдыхавших на тротуаре пытался Юрия напугать. Чужая шляпа на голове, нож в руке, и тут, как на грех, подкатывает милицейская машина. Завладение чужим имуществом с применением оружия – как ни крути, а разбой. И все бы обошлось, да один из драчунов оказался в прошлом комсомольским боссом, в результате суд и срок. Надо сказать, в чем-то парню и повезло: когда из него в отде-

лении признание выколачивали, туда заскочил высокий милицейский чин в штатском. Позже Авилов узнал, что штатский – старший опер с Петровки, полковник милиции и мужик стоящий. Он отнял Юрия у разошедшихся оперативников, умыл в туалете, прочитал бумаги, сказал, что дело дерьмовое и он поговорит с прокурором. Авилов тогда на ментовские примочки внимания не обратил, понял, что вербуют, но до этого не дошло. А позже Юрий узнал, что фамилия мента Гуров и он среди своих в законе.

Прокурор на суде сказал нелестные слова в адрес потерпевших, выразил сомнение, чтобы один трезвый напал на двух пьяных, и попросил у суда наказания ниже низшего срока. В результате Юрий Авилов получил два года общего режима, через год с небольшим был уже на свободе.

В Юрии был спрятан громадный спортивный талант, который так и не раскрылся. Он был физически силен, обладал природной реакцией, имел от рождения поставленный удар. Будь у Юрия другой характер либо попади он в руки настоящего тренера, возможно, Россия получила бы второго Попенченко. Но Авилов был разгильдяем и тренера хорошего в боксе не встретил. Еще он прекрасно стрелял из пистолета, но тоже – потренировался в секции, удивил тренеров и сгинул в небытие. В общем, ничего толкового в спорте из парня не получилось. У Юрия был лишь один плюс: от рождения не терпел спиртного, может, потому, что мать была алкоголичкой, а отца своего Авилов никогда не видел.

Ну, шел парень по Тверской-Ямской, никого не трогал, думал, как свою палатку занять, надоело на подхвате работать, но необходимых денег для воплощения мечты не было. Глядь, а дорогу преграждают три стриженных амбала. Если на ринге из Авилова толку не получилось, то в уличной драке он равных не знал, стянул с брюк ремень, обмотал кисть и миролюбиво сказал:

– Топайте, пацаны, я вас не трогаю, – пустые слова, однако форму требовалось соблюсти.

Они стояли ровно в ряд, как поется в песне. Авилов шагнул с тротуара, прием в драке известный – лучше иметь против себя одного противника, чем троих, пробормотал слезливо:

– Все отдам, только не трогайте, – после чего нокаутировал крайнего.

У того подломились ноги, он рухнул на асфальт. Юрий быстро переместился, махнул левой рукой, якобы целясь в лицо, и ударил правой в солнечное сплетение. Живот у парня оказался толстым, рыхлым, кулак вошел словно в тесто. «Не убить бы», – подумал Юрий и сказал оставшемуся стоять бритоголовому:

– Тебе говорили, сопляк, а ты не слушаешься.

Сверкнул свет фар, завизжали тормоза, рядом остановилась «канарейка». Из милицейской машины неторопливо вышли лейтенант и два сержанта, по-дружески подняли «быков», затолкнули в машину, третий шустро нырнул следом

за товарищами. Лейтенант козырнул Авилову, представился, спросил:

– Претензии к мальчикам имеете?

– Настроение испортили, – настороженно ответил Юрий. – А так пусть живут.

Улыбка у лейтенанта была простецкая, а взгляд внимательный. Он осмотрел Авилова, тихо сказал:

– Подними руки.

Когда Юрий команду выполнил, мент ловко обыскал его, спросил:

– Какие документы имеешь?

Авилов протянул паспорт, лейтенант сверил фотографию, увидел, что паспорт выдан на основании справки об освобождении, задержал в руке.

– За что «парился»?

– Разбой. На самом деле драка, глупость получилась...

– По уму еще никто не сидел. Смотрю, давно вышел, заедем в участок, проверимся, – лейтенант глядел испытующе.

– Можно, чистый я, за мной ничего.

– Что у тебя в правом кармане брюк?

– Поясной ремень. Когда понял, что не отвяжутся, руку обмотал, чтобы не повредить.

– Ну, ладно, – лейтенант отдал паспорт. – Считай, с меня бутылка, я который месяц мечтаю этим пацанам морду набить, все не складывается. В яслях боксом занимался?

– Самую малость, командир.

– Жаль, что они тебя не грабанули, я бы их устроил по первому классу. – Лейтенант еще не решил, отпускать этого парня или везти в отделение. В человеке чувствовалась внутренняя сила, он мог оказаться серьезным преступником, но у него была возможность бежать, а он стоял. Оружия нет, и этот ремень... Лейтенант вырос из рядовых, был человеком опытным, чувствовал, за парнем ничего нет.

– Ну, бывай, – он протянул руку.

– Спасибо, лейтенант, быть тебе полковником. – Юрий пожал ему руку и неожиданно для себя спросил: – Ты, случаем, полковника Гурова не знаешь?

– Случаем знаю. Ты знаком? – Лейтенант насторожился и подумал, что столкнулся с агентом известного полковника из главка. Так вот откуда у мужика такая уверенность.

Авилов мысль лейтенанта понял, пошутил:

– Я дятлом в жизни не был. Они умирают от сотрясения мозга. Когда мне за драку разбой припаяли, я столкнулся с Гуровым, толковый мужик.

– Еще раз столкнешься, поклон передай, скажи, менты рядовые его знают. – Лейтенант открыл дверцу машины, еще раз кивнул и уехал.

Ни участковый, ни Юрий Авилов не знали, что встреча, о которой они говорили, не за горами.

«Канарейка» уехала. Юрий вдел в брюки ремень. Он не обращал внимания на «Волгу», которая давно следила за ним по Ямской. А сидевший в ней мужчина со специфиче-

ской внешностью оперативника наблюдал и драку, и подъехавшую машину, и разговор, правда, слышать его не мог. У оперативных работников с годами вырабатываются особенности поведения и привычки, различить которые может лишь опытный преступник либо другой оперативник.

Юрий двинулся дальше – жил он у Белорусского вокзала, – когда рядом неожиданно остановилась «Волга». Задняя дверца приоткрылась, и мужской уверенный голос произнес: – Юрий Сергеевич, садитесь, подвезу.

Авилов и не помнил, чтобы его звали по имени-отчеству, несколько опешил, затем разозлился. Он оперся на приоткрытую дверцу и, не видя человека на заднем сиденье, сказал:

– Ну что вы ко мне привязались? Иду спокойно, никого не трогаю...

– Вам к Белорусскому, мне по дороге, садитесь, в ногах правды нет, и пьяные не пристанут.

Авилов сел в машину, взглянул на худощавого мужчину в хорошем костюме, белой рубашке и при галстукке.

– Кажись, я на повышение пошел, небось подполковник, а то и выше.

– А вы физиономист, – сказал неизвестный. – Меня зовут Владимир Леонидович, я руководитель охранной фирмы, вы представляете для нас определенный интерес. Возможно, – добавил он, пожевав сухими губами.

– Считайте, что я вам поверил, Владимир Леонидович, –

насмешливо ответил Авилов. — Я так и думал, что охранные фирмы вербуют себе сотрудников ночью на улице.

— Промозгло. — Мужчина передернул худыми плечами, достал из кармана фляжку коньяка, вынул из кармашка переднего сиденья разовый стаканчик. — Не желаете?

— Не употребляю. — Юрию становилось интересно, мелькнула мысль: может, это тот случай, который он давно ждет, и собственная палатка не пустая мечта.

— Я позволю себе. — Мужчина налил в стаканчик коньяка, выпил, сунул в рот жвачку, спросил: — А что, этот лейтенант ваш знакомый?

— В первый раз вижу, — ответил Юрий.

— Он глянул в паспорт и отпустил, на нашу милицию не похоже.

— Я же ничего противозаконного не сделал.

— Избили людей законно? — саркастически спросил Владимир Леонидович.

— Так мент тех парней знает, они у него в печенках сидят. Он их никак посадить не может. История известная: то потерпевших нет, то они сегодня имеются, завтра в отказ идут.

— Я признаюсь, Юрий Сергеевич, мы за вами больше трех месяцев наблюдаем. Нет, не ходим следом, а так, время от времени. Ну, установочки определенные сделали, материальчик кой-какой собрали. В начале лета попал нам в руки один зверек, кажется, Аликом зовут.

— Рыжая челка, передние два зуба золотые? Кликуха Се-

рый?

– Вот-вот, – Владимир Леонидович кивнул. – У нас в банке решетку вырезали, мы этого парня и прихватили. Стали его крутить, ясно, что он не сам по себе. Очень он в ментовку не хотел, начал колотиться, дружков называть...

– Я такому «дружку» морду набил. Он хотел, чтобы я за копейки чуть ли не на мокрое пошел, – Юрий возмущенно передернул плечами.

– Насчет «мокрого» он промолчал, а что вы человек на расправу быстрый, сообщил. И в группу «Лисы» вы не пошли, вообще особняком держитесь, хотя с зоной знакомы. Ну, мы в одном месте поинтересовались, в другом, все говорят, мол, Авил, вроде так вас кличут, парень замкнутый, ищет, где хороший куш взять.

– А кто не хочет? – усмехнулся Юрий. – Только один умеет, другой нет. Я бы раскрутился, начальный капитал нужен. У меня в жизни не было денег и не предвидится. Связей серьезных нет, а за копейки рисковать я не стану.

Юрий уже сообразил, что собеседник насчет охранного бюро врет, ищет исполнителя на какое-то дело. И нужен ему человек сильный, решительный, готовый рискнуть, но милиции неизвестный. Давняя судимость Юрия его не пугает, главное, Авилов сейчас ни с кем не связан, стоит особняком. Судя по тачке, одежде, манерам, новый знакомый – человек с деньгами, да, видно, на такое дело у него нужных связей нет. И Юрий подумал: есть Бог, раз он нас свел, человек ищет

исполнителя, я ищу солидного заказчика.

– Стрелять приходилось? – неожиданно спросил Владимир Леонидович. Он уже знал, что в юности Авилов увлекался стрельбой, чуть не в сборную Москвы входил, потом бросил.

– С десяти метров в сарай не промахнусь.

– Посмотрим. Иди к нам в охрану, платим валютой. У нас в основном бывшие менты, публика довольно трухлявая, ленивая, нам решительный, быстрый парень не помешает.

Снова врет, понял Юрий, однако не насторожился. Почему не заработать, почую, что дело пахнет керосином, слыню.

Он считал себя умным, действительно был далеко не глуп, но против профессионалов был мальчишка.

– Я не хочу, чтобы тебя раньше времени в офисе видели. Нас же ментовка просвечивает, ФСБ рядом крутится. Давай завтра в тир смотаемся, я взгляну, как ты оружие в руках держишь. Идет?

– Можно. Только давайте договоримся, уважаемый, коли серьезно, так серьезно. За завтрашний день вы мне сто баксов платите, я же свои коммерческие дела срываю. А дальше решим.

– Договорились, – хозяин кивнул. – Я тебе утром позволю, потом заеду. А стольник свой держи, – он протянул Авилову сто долларов. – Чтобы спалось тебе спокойнее. Надень спортивный костюм и кроссовки.

– Лады, – Юрий выпрыгнул из остановившейся «Волги», дошел до своего подъезда пешком.

Парню и в голову не могло прийти, что он ступил на бревно, которое с каждым шагом будет становиться все уже и уже, пока не превратится в лезвие ножа.

Утром Юрий стрелял довольно посредственно. Тренер и человек, назвавший себя Владимиром Леонидовичем, наблюдали со стороны. Тренер морщился, наконец не выдержал, подошел к Авилову, поправил ему руку, что-то сказал, вернулся и заявил:

– Я встречал материал и получше. Все зависит от того, как он скоординирован, насколько владеет своей мускулатурой, нервами, много чего. Тренер сборной толком не ответит на вопрос, из кого получится стрелок, а кто умрет посредственностью. Есть такое понятие – чувство выстрела, но никто это чувство в руках не держал, – тренер хохотнул. – Пусть недельку часа по четыре, с интервалами, конечно, постреляет, тогда можно будет сказать. В принципе рука у него есть.

Когда Авилов снял наушники и подошел, Владимир Леонидович сказал:

– Условия прежние, сто долларов в день, тренироваться и жить будешь здесь, тебя всем обеспечат. Через неделю вернемся к этому вопросу. Идет? – Он протянул руку.

– Идет, – Авилов ответил на рукопожатие, задержал ла-

донь, заглянул ему в глаза. — Учтите, я в человека никогда стрелять не буду.

— Глуposti! — Тот выдернул ладонь и поморщился. — Какой же из тебя к черту охранник? Заходи, бери, не бойся, я вегетарианец? Ладно, обождем неделю, может, тренер и забракуют тебя.

Через час Грек, который был начальником, вербовавшим Авилова, сидел в кабинете одного из сотрудников администрации президента.

Хозяин кабинета был выдвинут сюда большими деньгами. Президента обкладывали, как первобытный человек обкладывал мамонта, — гиганта окружали маленькие люди. Каждый человечек в отдельности почти ничего не значил, но скопом они составляли непробиваемую стену.

Грек смотрел на хозяина кабинета уважительно, но несколько скептически. Сам он был специалистом, заменить его можно только другим специалистом, в то время как хозяина кабинета можно заменить кем угодно, хоть официантом. Грек — осколок империи, некогда именовавшейся КГБ, — повидал столько начальников, что их не то что запомнить по имени, пересчитать невозможно. Они исчезли, испарились, а Грека все передвигали по шахматной доске, называли то пешкой, то фигурой значимой, он играл и за черных, и за белых, порой даже объявлял шах, затем терялся среди других фигур, но снять его с доски не мог ни один гроссмейстер.

Без греков не складывалась партия, невозможно было вести игру.

— Я вами недоволен, Николай Леонидович, крайне недоволен, — истинного имени-отчества не знал даже шеф. — Вам поручили серьезное задание, а вы, извините, ерундой занимаетесь. — Он покосился на телефон.

А Грек насмешливо подумал: ты слишком мелок, чтобы твой кабинет прослушивать. Если такими заниматься, никакой аппаратуры не хватит.

— Вы должны подготовить... — чиновник вновь покосился на телефон и понизил голос до шепота: — Киллера! А вы подбираете на улице мелкого уголовника, начинаете его обучать стрельбе.

Грек мог спросить: а где взять нужного человека? Он должен быть не связан с уголовным миром, верен, молчалив и одинок. Он должен быть неизвестен ментовке и ФСБ, но согласиться выполнить задание. Спокойный, уравновешенный, сильный и ловкий, а стрелять он может и средне, так как расстояние будет ерундовым, несколько шагов. Главное, исполнителя не должны подвести нервы. Может, пригласить из «Альфы» и оповестить о теракте человек сто?

Грек молча слушал словоблудие чиновного дилетанта, хотел напомнить ему, что даже американская машина использовала двинутого по фазе Освальда. Классные специалисты существуют, но они известны, как кинозвезды. А принцип «домино» придумал не он, Грек, этот принцип родился вме-

сте с мафией.

Вышеописываемые события происходили в августе, а сегодня, в начале сентября, в день, когда был убит диктор телевидения, сыщик Гуров освобожден поздно. Он взглянул на часы, прикинул, что успевает к концу спектакля, и поехал к театру, чтобы встретить Марию. Цветы он не купил, знал – актрису будет поджидать достаточное количество сумасшедших с букетами.

Все было, как он и предвидел. Стоило Марии выйти из служебных дверей театра, к ней бросилось несколько мужчин, каждый протягивал цветы. Гуров подошел, большинство знали его и невольно отступили.

Мария одарила сыщика неласковым взглядом, но твердо взяла под руку. Он поцеловал актрису в висок.

– Возьми букетик, люди старались, – сказал Гуров громко.

– Взять у одного – обидеть остальных, – ответила Мария, улыбнулась окружающим: – Спасибо, мальчики, тронута вниманием, жду вас послезавтра. Моего дражайшего наверняка не будет, и мы закатимся куда-нибудь выпить по рюмке водки.

Когда они сели в машину, Гуров сказал:

– Принципиально заявлюсь.

– Не болтай, командир. Я уже слышала, что Леню убили. Розыском займешься ты? – Мария успела обучиться профессиональным выражениям. – Я не произношу слов «ужас»

и «кошмар», в Москве убивают ежедневно. Говорят, ты талантлив, докажи ублюдкам, что заказные убийства раскрываются. Вытащи мразь на свет Божий, поглядим, что потянется.

– Автоматная очередь, – ответил Гуров.

– А в тебя никогда не стреляли? Ты выбрал профессию, мы ее терпим... – Мария говорила жестко, на грани срыва.

– Я постараюсь, Маша.

Ночь они не спали, молча лежали рядом. Когда начало светать, Мария встала, вела себя так, словно ничего не случилось. Накинула халат, туго подпоясалась, сварила чашку кофе, принесла Гурову в постель, спросила:

– Тебе нельзя выпить рюмку коньяка?

– Мне теперь долго будет нельзя, – он сел в кровати, отхлебнул кофе.

– И почему такая жизнь мерзкая? Живи мы в цивилизованной стране...

– Скажи еще, если бы был Бог! – перебил Гуров. – Мы с тобой не можем жить в другой стране. Как любое животное, не можем сменить среду обитания. Рыба плавает, птица летает, мы родились и живем в России.

– Тебе умышленно всучили это дело?

– Такая у меня работа и должность подходящая. Кроме меня самого, виновных нет.

– Можешь быть уверен, я от тебя не отступлюсь, хотя и надоел ты мне чертовски. Самое неприятное в моем положе-

нии даже не то, что театр и кино отнимают все силы. Плохо, что я люблю тебя и не могу бросить к чертовой матери. Допивай кофе, делай свою изуверскую гимнастику, отправляйся и не думай обо мне, – она чуть заметно усмехнулась. – Хотя ты и не думаешь.

Он выпрыгнул из постели, обнял Марию так, что она задохнулась, и упал с ней обратно в постель... Встали они примерно через час и занялись каждый своим делом.

Глава вторая

Опергруппа работала. Обстановка в кабинете Гурова изменилась, не шутил даже Станислав.

Установили людей, что прошли на телецентр через бюро пропусков, всех проверили по оперучетам. Переговорили со штатными сотрудниками, которые эти пропуска заказывали, выяснили, находились ли приглашенные в редакциях в момент совершения убийства. По каждому факту отписали рапорты, которые Гуров небрежно прочитал. Он был убежден: традиционный метод розыска ничего не даст, собака зарыта в другом месте.

Станислав предложил попытаться установить местопребывание известных розыску киллеров. Гуров махнул рукой, спросил:

– Станислав, ты бы согласился стрелять в подобной обстановке? Нет! А профессиональные убийцы выжили из ума? Если бы пригласили профессионала, он бы сам определил время и место выстрела, к телевидению он даже бы не подошел.

С раннего утра и до семи вечера занимались установками и различными проверками, позже изводили бумагу и чернила, писали и писали. Оперативники занимались тяжелой бессмысленной работой. В кипе бумаг, которую они изготавливали ежедневно, никакой зацепки не существовало. Гуров ра-

ботал меньше всех, часами сидел за столом, смотрел в окно, изредка подбадривая товарищей:

– Противно, знаю, сам терпеть не могу писать ничемные рапорты, приходится. Когда бюрократы призовут нас к ответу, мы должны воспользоваться их же оружием, мол, мы работаем, извольте ознакомиться.

Лишь однажды Станислав пошутил:

– Как написано в «Золотом ключике»: еще десять тысяч ведер – и золотой ключик у нас в кармане.

– Все это вздор, нужен агентурный подход. Только я не знаю, кого и к кому подводить и кого вербовать. Это чужой стадион, я даже не ведаю, во что на нем играют, – ответил Гуров.

Только следователь Гойда допрашивал людей, которых ему доставляли оперативники, и не огрызался. На пятый день безуспешной работы он передал Гурову листок с фамилией и адресом и сказал:

– Эта девушка что-то скрывает. Я не стал на нее давить, так как, кроме интуитивной уверенности, ничего не имею. Она работает в буфете, в момент убийства находилась в кабинете, расположенном через дверь от нашей гримерной. У нее в этой комнате помощником режиссера работает подруга, они вместе учились в школе. Почему врет буфетчица, что она скрывает, непонятно. Но что она врет и не договаривает, могу поклясться.

– Давыдова Нина Петровна, двадцать пять лет, образова-

ние среднее, проживает... работает уборщицей.

– Была уборщица, сейчас буфетчица, я написал, как она числится в штатном расписании, – пояснил Гойда.

– Внешние данные, манера одеваться и говорить? – спросил Гуров.

Прежде чем ответить, Гойда взглянул недоуменно, пожал плечами – обычная девчонка московского разлива. Гуров же ничего объяснять следователю не стал: предстояла оперативная разработка, прокуратура о ней знать не обязана. Сыщик верил следователю, но существует порядок, человек должен знать только то, что ему необходимо для работы.

Гуров запер свой сейф уже около восьми вечера и попросил Станислава отвезти его домой, мол, кончился бензин.

Станислав слишком хорошо знал друга, чтобы поверить в его байку.

Когда они приехали к Гурову и стали варить традиционные пельмени, Станислав сказал:

– Ну, выкладывай.

Гуров молча протянул другу листок с установочными данными на буфетчицу, пояснил:

– Следователь убежден, что девица на допросе не договаривает.

– И ты предлагаешь подвести мою Катюшу Сметанину? Обсудим, не так все просто. Катерина сменила цвет. Потом объясню. Не хотел тебе до времени говорить, но у меня тоже новости. – Станислав замолчал, уже жалея о сказанном.

Слишком серьезная была его версия и совершенно сырая. Зачем болтать раньше времени? Лева в случае неудачи издеваться не станет, но он перенапряжен, издерган, и совершенно ни к чему дразнить его и напрасно обнадеживать.

— А ты реши просто, — Гуров слил пельмени, выложил на сковородку, чтобы слегка поджарить. — Если я могу конкретно помочь, говори, если нет, работай один, пока не получишь дополнительную информацию.

— Сам знаю, не дави, — огрызнулся Станислав и тут же продолжил: — Понимаешь, я все эти дни шатался по коридору у дверей гримерной, изучил, кто работает в соседних кабинетах, кто и когда входит и выходит, естественно, со всеми переснакомился. В основном это девушки, парней значительно меньше, и все знают, кто я такой и откуда. Неожиданно позавчера одна девица спросила меня, не присылали ли мы своего сотрудника еще до убийства диктора? Понятно, я сказал, что присылали, назвал вымышленные приметы. А девушка и говорит: значит, она ошиблась и видела совсем другого мужчину. Короче, я установил, что за два дня до убийства в коридоре заметили мужчину, который, как и я, проходил несколько раз мимо гримерной. Он ни в один кабинет не заходил, шел, не останавливаясь, вскоре возвращался. Я проверил, никто из редакции похожего человека к себе не приглашал, пропуск не заказывал. Народу там толчется уйма, но сотрудники знают друг друга, по крайней мере, в лицо. Того мужчину видела не одна девушка, а несколько, я

со всеми переговорил, данные их переписал, но рапорт не подавал. Нам такую бумагу в деле иметь ни к чему. Проходил неизвестный, приметы усредненные, только все отмечают: шел он медленнее, чем ходят телевизионщики, которые в основном бегают. Мужчина подходящего возраста, очень спокойный. И чем ты можешь помочь?

– Тем, что выслушал, ты не таскаешь груз в одиночестве. Как он выглядит?

– Лет тридцати, моего роста и телосложения, хорошо тренирован, физически силен. Блондинистый, коротко стриженный, одет, как и большинство: кроссовки, джинсы, куртка кожаная турецкая. Последнее девчонки безошибочно определили.

– Откуда информация о тренированности и силе? – спросил Гуров, выкладывая пельмени на тарелки.

– Тут чистое везение. Одна из девушек спросила у парня-оператора, мол, что за мужик у нас появился? Тот глянул, пожал плечами, в шутку предложил познакомиться, а парня невольно запомнил. Тот оператор – мастер спорта по гимнастике и в человеческой физике понимает. Как профессионал он отметил, что человек шел вверх по лестнице, держа руки в карманах куртки, и шаг у него был пружинистый и легкий, и корпусом он не вихлял. Оператор мне объяснил: так идти может лишь хорошо тренированный человек, даже просто сильный парень хоть раз, а помог бы себе руками, схватился бы за поручень, либо просто вынул руки из карманов.

– Да-да, – Гуров кивнул. – Интересно только, что с этим делать? Такие приметы нам помочь не могут. Но парень занятный. Ты его описываешь, а я словно вижу, будто встречал.

Они быстро расправились с пельменями, Гуров налил кофе, Станислав недовольно сказал:

– Ты старший, должен заботиться о моральном состоянии команды. Мне надоели пельмени, бульон из кубиков, сухой закон. Жизнь и так достаточно хреновая. Ищи нам какого-нибудь продюсера, нужны деньги.

– Seriously? Ну ты, Станислав, оригинал. Никому не нужны, а тебе вынь да положь! Что ты говорил о Кате Сметанной? Какие возникли сложности?

– Катерина влюбилась! Даже не так! У нее серьезный роман с «новым русским». И молодой мужик со своими миллионами и «Мерседесами» сдался на милость победителя. Я ее увидел, не узнал. Деньги, Лев Иванович, страшная сила!

– Скажи что-нибудь пооригинальнее, – вставил Гуров. – А ты здесь при чем? Ты девушку к себе в койку не тащишь.

– Ты правильно выразился, я теперь абсолютно ни при чем. Об этом мне девушка вежливо, но недвусмысленно сообщила. У нее ныне четкий распорядок дня, который начинается значительно позже полудня. Уйма забот. Массаж. Парикмахер. Новые подруги... Магазины... Опер тут не вписывается. И ни с какой буфетчицей она знакомиться не пожелает, тратить на нее время и пить в подсобке не будет.

– Станислав, как получилось, что у нас нет ни одного подходящего агента? – спросил Гуров.

– А мы последнее время все в высших сферах кувыркамся.

– Раз Игорь Гойда сказал, что девица что-то скрывает, значит, так оно и есть.

– А чего ты от меня хочешь? У тебя жена актриса, обратиться к ней, Марии полезно пообщаться с простым народом.

– Интересно, – Гуров кивнул. – Давай еще что-нибудь.

– Надень старый костюмчик, пару дней не брейся, дерни стакан и валяй сам.

– А если ты? – В голосе Гурова прозвучала просьба.

– Мне при моих внешних данных понадобится месяц и более, с непредсказуемым результатом. А нам нужен ответ через два-три дня.

– Вот попали, на ровном месте и мордой об асфальт, – подвел итог Гуров и услышал, как хлопнула входная дверь. – Сколько же сейчас? – Он глянул на часы. – Мария вернулась.

Она, как обычно, первым делом скинула шпильки, вошла на кухню, сказала:

– Привет! Не знала, что у нас гость, туфли сняла. Извини, Станислав, – оглядела пустые тарелки.

Мужчины встали. Гуров кашлянул, хотел было начать импровизировать, но Мария лишь махнула на него рукой:

– Сиди, я вижу. Стасик, принеси от двери сумку, еле доперла до лифта.

– Здравствуй, Мария, – проходя мимо актрисы, запоздало пробормотал Станислав. Никто и никогда, даже в детстве, не называл его Стасиком. Станислав, в крайнем случае – Стас.

Он принес огромную сумку, с трудом водрузил на кухонную тумбу.

– Из-за твоей идиотской ревности, уважаемый Лев Иванович, я не разрешила сопровождающим занести такую тяжесть в квартиру. Правда, узнав, что ты уже вернулся, они и не шибко рвались. – Мария, сидя в плетеном кресле, нагнулась, потеряла ступни. Вот заставь вас с утра до позднего вечера походить в узких туфлях на высоком каблуке, узнали бы, почем фунт лиха. А то сидят как в воду опущенные, дело у них, видите ли, не складывается. Стасик, потроши сумку, подними настроение.

Станислав начал вынимать многочисленные свертки, запахло копченостями. Затем он извлек на свет Божий две бутылки коньяка и литровую банку черной икры.

– Сообщу по секрету, что я талантливая актриса и красивая женщина. И меня любит не только нищий мент, но и зритель. Среди них встречаются люди бескорыстные и богатые. Один, к примеру, живет в Астрахани. Полковник, порежь рыбки, положи икру в тарелку, налей по рюмке, сегодня я генерал и разрешаю.

Станислав щелкнул каблуками и бросился выполнять приказание. Мария показала Гурову кулак.

– Слово скажешь, убью, и меня оправдают.

Гуров облизал ложку, потянулся и сказал:

– Завожу роман с директором рыбного магазина.

– Разбежался, – Мария налила себе вторую рюмку, выпила, закусила копченой севрюгой. – Она увидит твои голубые глаза и растает. Ну, ладно, хватит играть в молчанку, выкладывайте, что у вас произошло? Что убили Леню, я знаю. Что вы топчетесь на месте, известно. – Мария слегка захорошела. – Что случилось сегодня? Ну? – И она хлопнула ладонью по столу так, что брякнула посуда.

– Ну, – повторил Станислав, глядя на друга.

– Скажи, только коротко, – Гуров закурил.

Станислав уложился в четыре фразы.

– Некая девица знает нечто для вас важное и не говорит. А вы поникли, словно лютики? Гуров, ты с ней разговаривал? – спросила Мария.

– С ней говорил опытный человек. С пустыми руками к ней не подойти, – ответил Гуров. – Задерживать нет оснований, поговорить и отпустить... На следующий день узнает все телевидение, к обеду узнают газеты. Наш разговор подадут как допрос с пристрастием. Не исключено, что девушку убьют или она пропадет. Тут нужен свой подход.

– Так нащупай, черт тебя побери. Любую женщину можно уговорить, разжалобить. Найти нужную струну. Заплакать, в конце концов! Гуров, ты умеешь плакать? – Мария пристально посмотрела на сыщика, тяжело сглотнула, ее глаза наполнились слезами.

– У меня другая профессия! – Гуров отшвырнул стул и вышел из кухни.

– Я все-таки его выгнала, – Мария взяла бутылку, налила Станиславу и себе, подмигнула и быстро выпила.

Ночью Мария целовала Гурова и шептала:

– Я справилась бы с ней за пару часов, милый. Но ведь тебе это будет неприятно. Я уверена, ты можешь сам... Я тебя научу, ты исполнишь роль по высшему классу. Слушай меня...

Это был не буфет, скорее бар. Минуешь постового милиционера, дальше по центральному проходу и, не доходя лифтов, слева ведет лестница вниз. Здесь и расположен один из баров Центрального телевидения. Низкий потолок, приглушенный свет, стойка вдоль стены, на углах она загибается. Четыре девушки, переговариваясь с посетителями, – все друг друга знают, – предложат салат, сосиски, пирожные и, конечно, кофе. Как объяснили Гурову, спиртное здесь то разрешали, то запрещали, сейчас был период либеральный. Помещение большое, народу много, ни о каком доверительном разговоре в подобной обстановке не могло быть и речи.

Сыщик узнал Нину Давыдову сразу, хорошо описал Гойда, да она и выделялась среди товарок сравнительной молодостью и претензией в одежде на элегантность. Гуров прошелся по просторному залу, заметил несколько виденных по телевизору лиц, выждал, когда у стойки напротив Нины

остался лишь один человек, подошел и поздоровался:

– Здравствуйте, Нина, мне, пожалуйста, чашку кофе.

Она невнятно ответила, взглянула на часы, что помогло Гурову задать вопрос:

– Простите, Нина, у вас бывает перерыв?

– Я живой человек, – не сердито, но и без приязни ответила девушка. – А вам-то какое дело?

– Я из МУРа, мне надо с вами поговорить, – тихо сказал Гуров. Он умышленно назвал МУР – каждый москвич о нем читал, смотрел кино или просто слышал. А что такое Главное управление уголовного розыска министерства, знают лишь профессионалы.

Нина вздрогнула, без нужды переставила чашку, поправила волосы и зло ответила:

– Ваш товарищ уже допрашивал меня. Больше я ничего не знаю.

Явная нервозность девушки доказывала, что следователь был прав. Нина Петровна Давыдова что-то скрывала и делала это очень неумело. Гуров нарочно как бы предупреждал девушку, что ей предстоит неприятный разговор. Гойда сказал, что методом натиска, давления от Давыдовой ничего не добьешься. Она замолчит, возможно, расплачется, а теперь, когда она уже официально допрошена, могла и проконсультроваться со знающим человеком, и потребует предъявить обвинение и вызвать адвоката. По совету Марии сыщик избрал иной путь – не вынуждать Нину, а уговаривать. Он ре-

шил создать для девушки наиболее благоприятные условия: не привозить ее в служебный кабинет, разговаривать на ее территории и предупредить заранее, дать ей время собраться и успокоиться.

И, словно пытаясь доказать тщету его намерений, Нина быстро повторила:

– Я сказала все. Больше я ничего не знаю! – Выставила на стойку табличку: «Перерыв» и ушла.

Гуров знал, день предстоит длинный, трудный, взял свой кофе и сел за столик. Мария долго размышляла, как одеть сыщика, отыскала его старые брюки, тщательно отутюжила, вытащила из-под шкафа поношенные кроссовки, почистила серый однотонный свитер, приказала побриться, но одеколон не употреблять. В результате Гуров выглядел человеком среднего достатка, седые виски не облагораживали его, а доказывали, что жизнь у мужика далеко не сахар. Непривычно одетый, Гуров невольно потерял свою выправку. Только глаза на тусклом фоне стали ярче, еще заголубели.

Прощаясь утром, Мария сказала:

– Можно надеть очки, но, боюсь, получится уже двадцать два. Не вздумай ее разглядывать или делать комплименты, смотри прямо перед собой и размышляй о грустном. Вспомни что-то конкретное из своей жизни и непрерывно думай об этом. И самодовольная улыбка с твоей физиономии исчезнет.

Сыщику не пришлось долго копаться в своей памяти. Он

вспомнил, как убили его подчиненного, и он пришел к покойному домой и разговаривал с его матерью. Вспомнил шаль, в которую куталась худенькая женщина, ее тонкие руки со вздувшимися венами. Как она цеплялась за свою шаль и терпеливо ждала, когда же оставшийся в живых начальник ее мальчика уйдет, оставит ее одну и можно будет поплакать.

Гуров так погрузился в воспоминания, что не заметил, как появилась за стойкой Нина, начала работать. А вернули сыщика к реальности толчок в плечо и голос остановившегося рядом парня:

– Слушай, мужик, не бери в голову. Хочешь, я тебе выпить куплю?

Гуров смутился, он уже забыл, когда смущался последний раз, и после паузы ответил:

– Спасибо, у меня есть. – Он поднял голову, глянул на парня. – Только мне нельзя, – ткнул пальцем в печень.

– Зашитый? Тогда понятно. Вот жизнь блядская, – парень хлопнул Гурова по плечу и ушел.

Сыщик почувствовал чей-то взгляд, поднял глаза и увидел Нину, которая обслуживала веселую компанию, а смотрела на Гурова. Он покосился на часы – сидит уже второй час.

Прошло еще некоторое время, он мельком взглянул на Нину и увидел, что она жестом подзывает его к себе. Он вновь заставил себя вспомнить мать Бориса Вакурова, поднялся, не торопясь подошел к стойке. Давыдова уже не так

агрессивно произнесла:

– Я же вам русским языком объяснила, мне сказать больше нечего.

– А мне генерал приказал с вами переговорить. Я офицер и обязан, – ответил Гуров.

– Так вызывайте к себе, ведите к своему генералу, я ему объясню.

– У нас ничего хорошего нет, а здесь уютно. Я подожду.

– У меня смена черт-те когда кончается, домой надо. Обед на завтра... – она махнула рукой. – Некогда мне с тобой лая разводить.

– Я понимаю, – сыщик помолчал. – Я писать ничего не буду.

– Может, тебе налить? – неожиданно спросила Нина.

– Я непьющий... если за компанию...

– Хочешь, чтобы меня с работы поперли?

– Так ведь и я на работе, – Гуров пожал плечами.

– Черт с тобой! Сейчас людей поубудет, сядь в дальнем углу, кофе возьми. Ты ел чего?

– Спасибо, я завтракал, – ответил Гуров и отвернулся.

– Что-то по тебе не видно. Зарплату хоть платят? – спросила Нина.

– Случается, – соврал Гуров и от стыда снова отвернулся.

Давыдова расценила это по-своему и сердито сказала:

– Ладно-ладно, ты мне здесь слюни не распускай. В Москве каждый день убивают. Ты что, за всех в ответе? Бери

кофе и садись, я скоро приду.

– Спасибо, – Гуров взял вторую чашку кофе, полез за деньгами, но Нина его остановила:

– Иди уж, успеется.

– Спасибо, – повторил сыщик и отправился в указанный угол.

Гуров оценил переход на «ты» и перемену в ее настроении и подумал, что вид у него, значит, жалкий. Если информация у Нины «горячая», то он, полковник Гуров, спрячет ее до поры. Подставлять такую женщину – грех. А в том, что он информацию добудет, сыщик уже не сомневался.

Он еще не допил кофе, как подошла Нина, принесла бутерброды, две бутылки минеральной, в одной из бутылок оказалась водка. Девушка плеснула в бумажные стаканчики, сказала:

– Жизнь пошла поперек, – выпила и стала есть.

Гуров тоже выпил и искренне поддержал:

– Не жизнь, а грязное существование. И почему приличный человек должен врать, изображать невесть чего, убирать чужое дерьмо. Никому не известно.

– Я по вашему делу все рассказала, и ты мне вопросов не задавай, – Нина налила по второй. – Ты здоровый, красивый мужик и несчастненьким не прикидывайся. Тебя приодеть, отбоя от нас не будет.

– Я не жалею, – Гуров улыбнулся.

– Женатый?

– Обязательно.

– Жена красивая, любит?

– Красивая и любит, – ответил Гуров. Мария предупредила, что такой вопрос будет непременно и ответить на него следует именно так.

– И ты жену любишь?

– Люблю, – признался Гуров.

– И давно женаты?

– Порядочно, я же не мальчик.

– Это надо! – Нина налила по третьей. – Мужик признается, что женат, любит и у него в семье порядок. Я что же, тебе совсем не нравлюсь?

– Почему? Вы девушка интересная, и фигура у вас отличная, – искренне ответил Гуров и от удовольствия, что может сказать правду, вновь улыбнулся. Хотя Мария запретила, скользнул взглядом по высокой груди собеседницы и одобрительно кивнул.

– Так какого черта ты о своей любви к жене рассказываешь? – возмутилась Нина.

Гуров неожиданно вспомнил одну из любимых фраз Станислава и ответил:

– Что выросло, то выросло.

Нина хитро прищурилась, спросила:

– И ты никогда-никогда налево не завернул?

– Я не люблю такие разговоры, – и Гуров не заметил, как вновь ссутулился, почувствовал, что говорит ненужные сло-

ва.

Сыщик был не прав. Нина прониклась к нему симпатией, удивлялась, что среди ментов встречаются подобные мужики. Гуров ни с того ни с сего сказал:

– У меня ни времени, ни свободных чувств нету. Так что я не высоконравственный, а просто несвободный. У каждой медали две стороны. Вот так, девушка.

Нина смотрела на сыщика и не узнавала. Гуров вновь выпрямился, голос набрал силу:

– Вы, Нина Петровна, убийцу покрываете, – вздохнул Гуров, недовольно поморщился. – По Москве не раскрыто ни одно громкое заказное убийство. Я убежден, в пятидесяти процентах случаев свидетели имеются. Они боятся, и правильно делают. Человеку свойственно оберегать свою жизнь, и я вас не осуждаю. Но, если мы с вами порочную цепь не разорвем, ее никто не разорвет. Вы мне говорите, я ваше имя забываю. Вот сейчас выслушаю, допыю и забуду. Даю слово чести. Для прокуратуры и суда я других свидетелей найду. Но мне необходима точка опоры.

Нина смотрела ему в глаза, чувствовала, как по телу бегут мурашки, а ноги отнялись, уйти она не может.

– Итак, лет тридцати, среднего роста, плотного телосложения, в мужике чувствуется сила. Вы увидели его за час до смерти Леонида...

– Накануне... Дважды, – прошептала Нина. – Удивилась, что он тут делает? Забыла. А назавтра...

– Раздался выстрел, и вы вспомнили. Как его имя?

– Юрий... Юрий Авилов... Он в соседнем доме живет. Он убьет меня...

– Вот я и говорю, женщины мне далеко не безразличны. – Гуров разлил остатки из бутылки, чокнулся с бумажным стаканчиком Нины. – Только если я жене изменяю, она это поймет, едва я порог переступлю, на меня не глядя. А я ее люблю, за любовь нужно платить. А вы красивая девушка, я рад, что мы познакомились. Я вам должен за бутылку, кофе, бутерброды... и исполнить одно ваше желание. – Он положил на стол свою визитную карточку. – Я не волшебник, но много чего могу. Телефоны выучите, карточку уничтожьте. Обязательно. Моей визитки у вас быть не должно. Мы с вами сегодня встретились, выпили, поговорили за жизнь, расстались. Если будет трудно и вы позовете, я приду.

Гуров поднялся, положил на стол деньги, поцеловал Нине руку и направился к лестнице.

Нина смотрела на высокого, широкоплечего, уверенно шагающего мужика и не могла понять, с чего она расчувствовалась, решила, что человек на краю и ему необходимо помочь. Он ни на что не жаловался, ничего не просил, она, опытная баба, разнюнилась. Но Юрке Авилову она теперь не завидует, у этого... И тут Нина сообразила, что не знает даже, как мужика зовут, взглянула на визитную карточку... Полковник, старший оперуполномоченный по особо важным... Гуров Лев Иванович... Она выучила два теле-

фона, записала в блокнот по четыре последних цифры каждого номера, чиркнула зажигалкой, прикурила, визитку сожгла. Он прав, такую карточку иметь в сумке совершенно ни к чему. Он сказал, что придет... А что? Такой придет...

Глава третья

Бывший полковник КГБ, ныне полковник службы, называвшейся иначе, человек по фамилии Грек, сидел в сановном кабинете, смотрел на хозяина вопрошающе. За многие годы службы он вытренировал этот взгляд, сроднился с ним, окружающим полковник казался прирожденным холуем. И лишь немногие знали: этот взгляд и вся манера держаться – обман. Полковник – человек сильный и умный, не подверженный постороннему влиянию. Он всегда поступает как считает нужным и выполняет приказы в тех случаях, когда они совпадают с его собственной точкой зрения. В остальных ситуациях он только имитирует исполнение, а результат срывается по объективным, не зависящим от Грека обстоятельствам.

Он убрал Леонида Голуба отнюдь не потому, что так пожелал сановный чиновник, а просто Голуб зарвался, стал мешать выполнению стратегического плана, который простирался аж до двухтысячного года, до новых президентских выборов.

Телевидение – самое мощное оружие в предвыборной борьбе, и это не затасканные слова, а объективная действительность.

Но ТВ структура многосложная, и захватывать ее надо заранее. Так по кирпичику строят дом: каждый кирпичик сле-

дует поддержать в руках, ощупать, положить на нужное место. Пусть миллионеры покупают каналы, можно купить все, а души людей останутся в руках спецслужбы. И телезвезды в нужный момент станут говорить то, о чем их «попросят». И сетку вещания составят так, как «попросят». И в студию пригласят кого требуется, и вопрос зададут нужный и своевременный. Действительный захват телевидения – очень тяжелый и кропотливый труд.

Сегодня группа Грека – лишь несколько десятков человек, и не все они занимают ключевые посты, но придет срок... Кремлевскую стену тоже складывали по кирпичику, и не один год.

– Что же, ваш первый блин не вышел комом, – пошутил чиновник. – Но поздравлять вас рано.

– В нашей службе поздравлять не принято, – сухо ответил Грек. – Мы и ордена если получаем, так в туалете и при погашенном свете. Шутка.

– И неудачная, – резко сказал чиновник. – Вы уверены, что вашего исполнителя не обнаружат? Мне известно, розыском занимаются люди очень серьезные.

– Я знаю, шеф. – Грек уже пожалел о своих словах. На днях хозяин кабинета получил правительственную награду. Грек не завидовал, невольно вспомнил, непроизвольно вырвалось. Старею, подумал он, надо внимательнее следить за собой. Человечек, сидящий за столом, случайный и временный. Но сегодня он за этим столом, следует считаться, со-

блюдать правила игры.

– Но если все-таки человека выявят? – нудел чиновник.

Ну что ты понимаешь, сопливый мудака, в нашей работе? – хотелось сказать полковнику, но он посмотрел на носки собственных ботинок и тихо произнес:

– Постараемся, чтобы подобного не произошло.

– Да! Вы уж расстарайтесь! Считайте, я вас предупредил!

– Только так я и расцениваю ваши слова, – Грек поднял глаза, посмотрел на чиновника преданно. А как полковнику хотелось высказаться, он даже губу прикусил до крови.

Новости у Грека были горячие, прямо огненные, и сообщать о них недалекому человеку было ни в коем случае нельзя.

Дело в том, что полковник пять минут назад видел Гурова у дверей приемной вице-премьера. Зачем розыскник пожаловал на столь высокий уровень – неизвестно, но, узнай подобную новость молодой чиновник, начнется истерика, суета, черт знает что, совершенно непредсказуемое.

А Гуров явился в высшие коридоры власти с намерением сыграть ва-банк. Известны случаи, когда срывали банк, имея на руках всего двенадцать очков. А проигрывать сыщику нечего, его бумажник был пуст. Самое страшное, что может произойти, – выставят из кабинета, решат, мол, абсолютный кретин, возможно, сообщат Орлову или Шубину. Петр на него наорет, генерал-полковник даже разговаривать не станет, бросит тому же Орлову, дескать, офицерам поло-

жено ходить коридорами, а не лезть через забор, и забудется.

Чувствовал себя Гуров на подъеме, разгуливал с деловым видом, лишь не знал, как проникнуть в кабинет вице-премьера. Сыщик не очень хорошо представлял, что говорить небожителю, уповал на импровизацию. Он походил на мальчишку, зажавшего в руке камень и желавшего этот камень швырнуть в улей и посмотреть, что произойдет.

Дверь приемной открылась, и в коридор стали выходить люди. Гуров скользнул между ними, секретарь решил, что это один из бывших на совещании: человек что-то забыл в кабинете, возвращается за папкой или за каким-то документом.

Гуров решительно пересек кабинет, негромко сказал:

– Извините, Валентин Николаевич, но я знаю, кто убил Леонида Голуба.

– А я здесь при чем? – удивился Валентин Николаевич Попов. – Прикройте дверь и сядьте. Прежде всего, кто вы такой? И почему врываетесь ко мне с подобным заявлением?

Попову было около пятидесяти, он был безукоризненно одет, выбрит и причесан, спокоен, даже ироничен, но совершенно напрасно снял роскошные дымчатые очки. Гуров лишь на мгновение увидел его глаза и понял, что попал. Сыщик, конечно, не мог и представить, что обратился к главному теоретику заговора, но что данный человек, как выражаются розыскники, в деле «замазан», уже не сомневался. Этот внезапно расширившийся и метнувшийся в сторону зрачок

выдавал человека, его испуг. И то, что Попов вновь надел очки и без надобности переложил бумаги на столе, являлось уже мелочью. Сыщик взглянул на надбровные дуги небожителя, увидел капельки пота и доверительно сказал:

– Простите меня, ради Бога, Валентин Николаевич. Я полковник милиции, работаю по раскрытию убийства, мне не к кому обратиться. Меня раздавят, как клопа, правда, вони будет меньше. Я с вами незнаком, но вы мне глубоко симпатичны. Я сыщик, интуитивно чувствую порядочного человека.

– Но вы же не подозреваете в коррупции своего министра? – Попов пришел в себя, начал судорожно просчитывать, кто из соратников мог подослать провокатора?

– Конечно, нет! – Гуров почему-то перекрестился. – Но министр не имеет прямого хода к президенту. А пока министр до Бориса Николаевича доберется... до меня доберутся быстрее.

– Допустим, я вам верю. – Попов выдержал паузу. – Какие документы я могу положить на стол президента?

– Никаких, – ответил Гуров. – Никаких документов не существует. Лишь мое чутье сыщика и теоретические выкладки. Стрелял человек маленький, доказать его вину трудно, но стоит мне двинуться по этому пути, как меня пошлют в командировку на Сахалин. А вы представляете, сколько людей могут убить по дороге на Сахалин? Слава Богу, я веду розыск практически один, у меня трое подчиненных, никто

ничего не знает. Почему не раскрыто ни одно заказное политическое убийство?

– Простите, полковник, вы давно были у врача? Я не хочу сказать, что вы больны. Но при вашей работе естественно переутомление, могут появиться навязчивые идеи. Один ваш приход ко мне, человеку совершенно стороннему от криминала, чего стоит.

Гуров воспользовался предложением и поднялся. Он свое дело сделал, пора закругляться.

– Вы мне советуете к врачу обратиться? Благодарю! Только вы не удивляйтесь, когда нас отстреливают, а убийц не находят. – Он поклонился и пошел к двери. – Все сыщики либо уволились, либо в дурдоме сидят.

– Вы меня неправильно поняли! – Попов поднялся.

– Мой труп будет на вашей совести, я об этом позабочусь, – и Гуров вышел.

К нему тут же подошел охранник.

– Документы! Как вы попали в кабинет?

– Ногами вошел, мурак херов. А документы следует спрашивать, когда человек входит, а не выходит. – Он вновь открыл дверь. – Валентин Николаевич, подтвердите, что я не нанес вам никакого ущерба, а то ваша охрана всполошилась.

– Все в порядке! – крикнул Попов.

Гуров хлопнул охранника, где у того лежал пистолет:

– Скажу, чтобы тебя выгнали курятник сторожить. Пока ты развернешься, я из тебя клоуна сделаю, – и вышел в ко-

ридор.

Через несколько шагов он столкнулся с приятелем, генералом контрразведки Павлом Кулагиным, взял его за локоть, кивнул на топтавшегося за спиной охранника:

– Привет, Павел, твой разгильдяй?

– Нет, – генерал рассмеялся. – Управление охраны.

– Скажи, чтобы выгнали. Извини, тороплюсь.

Через полчаса он был уже в своем кабинете, смотрел в лукавые глаза Станислава, на флегматичное лицо следователя прокуратуры и еще на двух оперативников, заимствованных из охрannого бюро, с которыми сотрудничал уже не первый год, Валентина Нестеренко и Григория Котова. Они были неразлучные друзья, причем один антисемит, а второй еврей. На эту тему они постоянно дискутировали.

– Лев Иванович, признайся, как тебе удалось девицу расколоть? – вопрошал патетически Станислав. Кивнув в сторону Гойды, продолжал: – Игорь давно не мальчик, но не сумел. А ты выехал на полдня – и в дамки.

– Станислав, тебе не понять, – ответил Гуров. – Могу лишь сказать, я не употребляю ментовские выражения типа «расколоть». Мы доверительно поговорили, и девушка не сочла нужным скрывать. Да, я дал ей слово, что о нашем разговоре никто не узнает, так что забудьте. Получены агентурные данные – и конец связи.

– Авилов Юрий Сергеевич, – прочитал Станислав лежав-

шую перед ним справку. – Восемь лет назад сидел за разбойное нападение, – он хмыкнул, взъерошил волосы, – получил почему-то всего два года, через год освобожден, больше нигде не проходит, проживает...

– У Белорусского вокзала, – продолжил Гуров. – И я его отлично помню, собирался в свое время вербовать, мы тогда еще в МУРе пахали. Интересная история, банально, но мир действительно тесен. Григорий, Валентин, завтра спозаранку двигайте к Белорусскому вокзалу и соберите мне о парне все возможное и невозможное. Прошу всех, прокуратуру особенно: о том, что мы зацепились, никому ни слова.

– А Петру Николаевичу? – ехидно спросил Станислав.

– А Петр Николаевич, дорогой мой, будет спрашивать у меня, а не у тебя. Повторяю, никому. Сами забудьте. Разрабатываем парня, так как мы многих разрабатываем. Никаких двусмысленных ответов типа «поезд тронулся» или «спросите полковника Гурова». Ничего нет и не предвидится, а Гуров деспот и самодур.

– Хорошие слова, надо запомнить, – пробормотал Станислав.

– Ты сначала научись их выговаривать, затем раскрой словарь, узнай, что они означают, – Гуров отчего-то рассердился. Тут же понял: оттого, что обещал Нине молчать, но слово не сдержал. А как он мог не сказать, когда вся группа знала, куда и зачем он поехал?

Увидев, что друг не в настроении, Станислав взял иници-

ативу на себя.

– Мы можем быть убеждены, что убийство совершил Авилов, но доказательств у нас ноль целых. Так? – Он взглянул на следователя прокуратуры.

Гойда лишь хмыкнул и пожал плечами, считая вопрос риторическим.

– Мы, конечно, можем предъявить его фотографию видевающим его в коридоре сотрудникам. Допустим, они его опознают и подтвердят это на допросах и очных ставках. Легенда у него, естественно, готова, он объяснит, зачем приходил на телевидение, – продолжал Крячко.

– Но пропуск на него не заказывали, не выписывали, как он прошел, неизвестно, – заметил Григорий Котов.

– Какое-то объяснение у него заготовлено.

– Необходимо проверить, возможно, он работает на ЦТ, – сказал Гойда. – Рабочим, сантехником, и у него просто имеется служебный пропуск. Пистолет он, конечно, выбросил. Выстрел очень профессиональный, человек должен был тренироваться.

– Взять его под наружное наблюдение. Но Лев Иванович не хочет обнародовать, что мы вышли на какой-то след, – сказал Нестеренко. – Тогда заказ наружки никак не объяснить.

– Не говорите глупостей, – поморщился Гуров. – Допустим, он тренировался. Но после убийства он в тир не пойдет, с заказчиком встречаться не будет, наблюдение за ним

сегодня совершенно бессмысленно.

Зазвонил телефон, Станислав снял трубку и, пародируя Гурова, сказал:

– Слушаю вас внимательно.

– Здравствуй, Станислав, Кулагин беспокоит. Начальнику не подражай, не получается.

– Здравия желаю, господин генерал! – весело ответил Станислав. – Чем можем быть полезны доблестным контрразведчикам?

– Редкий случай, когда не вы мне, а я вам, вероятно, могу помочь, – сказал заместитель начальника контрразведки. – Лев Иванович на месте?

– Схожу поищу, – Станислав кивнул Гурову на параллельный аппарат. – Возьми трубочку.

– Здравствуй, Павел, – Гуров не хотел, чтобы в группе знали, где он сегодня был и виделся с Кулагиным.

При всей обоюдной неприязни МВД и ФСБ Гуров и Кулагин притесествовали. Знакомство их велось с давних пор, когда оба были подполковниками и операми и по возможности помогали друг другу.

Оперативные интересы Льва Гурова и Павла Кулагина пересеклись на группе, занимавшейся алмазами. Гурова преступники интересовали, так как камни были краденными, а Кулагин занимался делом в связи с тем, что алмазы уходили за рубеж. Не очень поначалу доверяя друг другу, опера-

тивники стали работать параллельно и выяснили, что между ними много общего. Почти ровесники, они не являлись идейными борцами, но одинаково не любили воров и ненавидели убийц.

Старшим среди них был Гуров, и не только потому, что умнее и талантливее, а просто в связи со спецификой работы больше истоптал асфальта, больше дрался, имел агентуру и так называемых доверенных лиц, характер был пожестче, а начальства боялся меньше.

Надо отдать должное Павлу, с первого дня он принял неофициальное старшинство Гурова и относился к этому спокойно, да и не так часто они работали вместе. Кулагин за прошедшие годы стал заместителем начальника управления. Гуров получил лишнюю звездочку да приставку к должности «по особо важным делам». Но во взаимоотношениях офицеров ничего не изменилось. Кулагин говорил с приятелем несколько уважительно, а Гуров с Павлом немного шутливо.

– Здравствуй, соскучился, у тебя как сегодня со временем? – спросил Кулагин.

– Не хватает времени и денег, остального в достатке, – ответил Гуров.

– В семнадцать на старом месте. Устраивает? Очень желательно, чтобы ты был один, – продолжил Кулагин.

Гуров кивнул, взглянул на Крячко многозначительно.

– Жду, – Кулагин положил трубку.

Некоторое время Гуров молчал, прикидывая, что может

означать звонок Павла. Вице-премьер не мог обратиться в контрразведку, здесь что-то не так. А как? И что можно сказать ребятам?

– Они вышли на нашего Авилова, – сказал Гуров. – Зачем людям лишняя головная боль? Паша считает, что я могу наводиться под наружкой.

Он еще подумал.

– Выходим сейчас, покатаемся по городу, я на заднем сиденье у Станислава. Вы, хлопцы, – Гуров кивнул Котову и Нестеренко, – прикрываете. Прокуратура, сидя в своем кабинете, руководит. На Калининском ребята нас обгоняют. Котов высаживается, я выхожу чуть дальше и направляюсь обратно к метро. Гриша смотрит – если видит наблюдение, уходить и играть не будем, я просто возвращаюсь в машину к Станиславу, он отвозит меня домой, вы работаете, дел вам хватает.

– А Кулагин? – спросил Нестеренко.

– Ждет три минуты и уходит, завтра придумаем что-нибудь поинтереснее.

Кафе было маленькое, уютное, домашнее, расположенное на узеньких переплетающихся переулочках Старого Арбата, сохранившихся в Москве каким-то чудом.

Посетители здесь случались тоже свои, арбатские, конечно же, немолодые и небогатые. Цены держались божеские, однако кафе «У Маши» выстояло, чем вся округа гордилась.

Если местному жителю представлялся выбор: обедать в настоящем ресторане с зорким швейцаром, полированной мебелью, сверкающей посудой и длинным меню или откусать «У Маши», то человек вел гостя сюда, удивляя своей неприхотливостью. За счет своих посетителей кафешка и держалась.

Кулагин и Гуров не являлись завсегдатаями, но трижды обедали, и сегодня их узнали.

Хозяйка, Мария Петровна, женщина неопределенных лет, низко поклонилась:

– Здравствуйте, спасибо, что зашли, – забрала у мужчин плащи и шляпы и проводила к одному из четырех столиков.

– Мария Петровна, можете не торопиться, – сказал Гуров, глядя на молодую парочку, судя по скромной одежде, студентов. Посмотрел сыщик и в окно, за которым прохромала неброская фигура Гриши Котова.

– Лев Иванович, а ты не обижаешься, что я на «ты» перешел? – спросил Кулагин. – Около двадцати лет на «вы» обращался и тут разом, без приглашения.

– Генералу не положено к человеку званием ниже на «вы» обращаться, – ответил Гуров, раздумывая, по какому вопросу пригласила контрразведка. Да еще предупредила, чтобы проверился и сопровождение привел. – Ты, Паша, – продолжал Гуров, – человек мозговитый. Я рад тебя видеть, запоздало поздравляю с повышением. Много шпионов разоблачил?

Павел смутился, ответил нерешительно:

– Кое-что имеем, но мы теперь все больше по вашей линии. Прости за вопрос, вы сейчас делом на телевидении занимаетесь?

– Стараемся. Скажи, Паша, если на телевидении убивают диктора, преступление уголовное или политическое? – Гуров прищурил голубые глаза. – Не крути, скажи, как сам думаешь?

– Я не думаю, знаю, – Кулагин впервые не отвел взгляда. – Дело чисто политическое.

– А зачем, спрашивается, его на меня вешают?

– Лев Иванович, ведь я пришел, – ответил Кулагин.

– Без ведома руководства, рискуя лампасами! – Гуров не повысил голос, однако казалось, что он кричит.

– Не надо на меня давить, я позвонил и пришел, – Кулагин расправил плечи. – Ты сегодня как-то странно со мной разговариваешь.

Дочь хозяйки, совсем малолетка, поставила перед гостями два салата из отварной картошки, свеклы и селедки, которые ели по праздникам в войну, графинчик водки, бутылку нарзана.

– Спасибо, Настя, – Кулагин налил по рюмке, кивнул и выпил.

Гуров дал зарок не пить, пока дело не раскроет, но увидел, как из-за портьеры за ним наблюдает Мария Петровна; приподнял рюмку, кивнул хозяйке и тоже выпил. Он знал,

хозяева считают их мелкими чиновниками расположенного неподалеку Внешторга.

Они закусывали, подбежала хозяйка:

– Картошечка и свекла своя, безо всякой химии. Водочка – «Кристалл». Мясо поджарим по госцене, набросим за масло да за труды праведные, дешевле невозможно.

– Мария Петровна, Господь с вами. Кто сказал, что мы такие уж бедные? – Гуров погладил заскорузлую ладошку женщины.

– А сюда другие не ходят, – она скорбно улыбнулась. – И угостить нам их нечем, да и скучно у нас.

– Ну, в Москве есть где повеселиться и деньги оставить! – рассмеялся Кулагин. – Вы нас не жалейте, мы мужички богатенькие.

Лицо хозяйки скривилось, в глазах возник страх. Оперативник понял: за его спиной появился кто-то, кого Мария Петровна страшно боится.

Послышались шаги двух человек, видно, вошли с черного хода. Гуров налил по второй, не повернулся.

– Привет, хозяйюшка, – голос был с хрипотцой, тянул гласные.

– Здрасьте, здрастьте, изволите выпить? – Хозяйка попятилась.

– Ты дурочку-то из себя не строй! – Мужик тяжело облокотился на плечо Гурова. – Говоришь, одни пенсионщики на супчик захаживают, а тут вон какие бобры сидят.

Гуров хотел кончить дело миром, но понял: лишь потеряет время. Он взял «хозяина жизни» за мизинец, сломал его. С истошным воплем тот отлетел прочь, отброшенный Гуровым.

Парни были выпившие, расслабленные. Гуров вскочил, хватило двух ударов, после чего оперативник, ловко обыскав их, забрал два пистолета и рявкнул на Кулагина:

– Уходи, сейчас тут ментовка объявится.

Кулагин, не сильно ориентируясь в подобной ситуации, взял плащ и шляпу и быстро ушел. Дебил со сломанным пальцем так орал, что слышно было за километр.

– Не прикидывайся, не так уж и больно! – сказал Гуров. – Я из группировки Косого.

Гуров хотел обойтись без милиции. Не получилось, через парадные двери и черный ход вошли люди в милицейской форме.

– Бросьте оружие! – старшим был лейтенант.

– У меня его нет. – Гуров показал пустые руки и пошел на лейтенанта, говоря: – Я полковник милиции, выведи во двор и разберись. Если не слушаешься, лишишься всего, что имеешь, – и продолжал идти на лейтенанта, который начал пятиться.

Они вышли во двор. Гуров понимал, что участковый коррумпирован. И возможно, это стечение обстоятельств, а возможно, первый ход Попова. Но как он успел дать команду и подключить криминал? Гуров сунул под нос участковому

удостоверение и заговорщицки сказал:

– Я встречался с агентом, времени на объяснения нет, забирай двух налетчиков, их оружие, объясняйся с начальством сам. Меня ты не видел. Если эта шпана появится здесь еще раз, ты без погон и пособий останешься. Коли умный, мы друг друга не знаем.

Для большей внятности и чтобы мент не тратил слов на ответ, Гуров ударил его чуть ниже ремня, потом забрал свой плащ и шляпу и ушел.

Он шел по проспекту, настроение было скверное. Информацию, которую хотел передать Павел, получить Гуров не успел. Следовало думать, как ее быстро получить. Сыщик шел уверенно, не сомневаясь, что наблюдение за ним не ведется, и неожиданно увидел «мерс» Станислава, остановившийся метрах в пятидесяти перед ним. Он не ускорил шаг, однако появление друга что-то означало, и то, что Станислав притормозил не рядом, настораживало. Гуров зашел в булочную, купил булку с маком. Станислав не остановил машину, значит, они под наблюдением. Не МВД и не ФСБ, такая акция мимо Павла не прошла бы. Авторитеты? Полоснули бы из «калашникова», и с концами. Впрочем, поднимать стрельбу в центре города без острой необходимости не станут, тем более – вешать себе на шею труп полковника. Однако Станислав, судя по всему, настроен серьезно. Вновь обо- гнал, встал впереди. Что-то сказать хочет. Думай, сыщик, думай. Появление «мерса» – сигнал опасности, ясно. В машину

не берет, значит, не хочет засвечиваться как связь. На прямом проспекте от наблюдения не уйти. Метро рядом нет, надо сворачивать с проспекта. Правее идет Воровского, ныне Поварская, еще правее путаются Хлебный, Столовый, Ска-тертный, проходные дворы, «сквозняки», сам черт ногу сло-мит, далее следуют Герцена и Никитская, но туда лезть не нужно. Решено, он уходит с проспекта, пересекает Повар-скую и разворачивается лицом к лицу. Ну сколько их может быть? Восемь-десять? Толпой не побегут, нападения не ожи-дают.

Где его станет ждать Станислав? Да, на Никитском, только не на четной стороне, где его собственный дом, а напротив, чуть выше желтого дома «полярников».

И тут сыщик увидел парочку. Ну, господа, это несерьезно, даже обидно! За кого же вы меня принимаете? Рисоваться под пьяного, одного в девку одеть? Такое в цирке хорошо, а в жизни очень даже дурной вкус! Сейчас я вам преподам маленький урок, какие урки умные, а менты дураки. Он вы-нул из кармана плаща пачку сигарет, начал искать зажигал-ку, как это делает всякий курящий, чуть спотыкаясь, тихо матерясь и невольно останавливаясь.

«Парочка», следовавшая за сыщиком, догнала его. Гуров молча ударил того, что изображал пьяного, в живот, задел по крашеной физиономии второго и в два прыжка оказался во дворе. В старой Москве проходных дворов много, а «чер-ные» ходы остались повсеместно, так что выбор у сыщика

был широкий. Гуров неторопливо пробежал под следующую арку, обогнул клумбу, перешел на шаг. Несмотря на плохую погоду, здесь гуляли няни и мамы с малышами. Преследователи будут интересоваться, кто тут пробегал, потому Гуров пересек двор не спеша, вышел на Поварскую. Если он правильно рассчитал место, где его будет поджидать Станислав, следовало двигаться в сторону Никитских ворот, но не по широкой и малолюдной Поварской. Гуров вскочил в троллейбус. Проехав остановку, выпрыгнул и вошел в магазин.

Глядя сквозь витрину, он увидел преследователей. Он засек две машины и трех топтунов, они явно не знали, в какую сторону направиться. Судя по одежде и манере держаться, ребята принадлежали к какой-то группировке. Их услугами могли воспользоваться и оперативники ФСБ, и парни из ментовки, не желающие «светиться» сами. «А кому я на ногу наступил? – спросил себя Гуров. – И в какой момент? Возможно, именно об этом и хотел предупредить меня Павел?»

«Не ведая того, я сделал острый ход, и противник решил меня изолировать? – рассуждал Гуров. – Возможно, зная о моих дружеских отношениях с Кулагиным, сунули Паше какую-то дезу, решили использовать втемную, наблюдение велось не за мной, а за ним? Уж слишком быстро появилась милиция, словно за углом стояли. Изолировать – совсем не значит убить, достаточно скомпрометировать. Связь между авторитетами и органами осуществляется на низшем звене –

участковый, опер отделения милиции, скорее всего это родная ментовка, ФСБ не станет лезть в такое грязное дело. А от участкового до верха не дотянешься, слишком длинная цепочка, можно порвать в любой момент. Значит, даже в случае успеха я буду иметь лишь хвостик. А мне нужны не хвосты, а головы. Но как к ним подобраться?»

Здесь может помочь только Паша Кулагин, не исключено, у него имеется материал. Наверняка что-то есть, иначе он не пошел бы на конспиративную встречу, приехал бы в министерство, предлогов достаточно. И связано это с Авиловым и убийством диктора.

Гуров посмотрел в окно – филер болтался у палаток, неподалеку стояли «Жигули». Сколько людей и машин они могут послать на задержание одного человека? Почему прилипли к этому району, он мог пересечь Поварскую, дойти до Маяковской и уехать на метро.

Старший группы, ведущей гон на Гурова, из-за пристрастия к Джеку Лондону имел кличку Смок.

– Старшой, брось херней заниматься, – сказал сидевший в машине уголовник. – Слиял наш мент, следы остыли.

Смок, в прошлом опытный опер угро, знал: один из основных законов розыскной работы – не суетиться. И что-то Смоку подсказывало – полкаш не захочет уходить от своего дома. Во-первых, можно заскочить в подъезд и укрыться за стальной дверью, во-вторых, Гуров тут живет давно, хоро-

шо знакомы переулки, дворы проходные. Здесь он или нет – пятьдесят на пятьдесят, но тут островок, а Москва – океан. Если они его упустили, то, считай, с концами. Тогда Гурова брать можно только завтра от работы или от дома, уже собранного и приготовившегося. И его, Смока, наверняка заменят. Чего начальство на мента ощерилось, неизвестно, ясно только: полкаш нужен сегодня, завтра, может, ему грош цена. Он либо держит информацию, либо может получить информацию.

Смоку катило под полтинник. Левка Гуров вырос на его глазах: способности, упорство плюс мощная поддержка. Сначала генерал Турилин, затем Орлов. Имей он, Смок, таких покровителей, тоже лазал бы по крышам, а не по подвалам. Смок не только опытный опер, он далеко не глупый человек, отлично понимал: взять Гурова живого не удастся, а убивать не велено. Остается одно – прострелить ему ногу или руку, вывести из строя, уложить в госпиталь. Но прежде его следует найти, а это возможно только в том случае, если он в данном районе, значит, уходить отсюда нельзя.

Заработал радиотелефон, недовольный голос спросил:

– Что у тебя?

– Он здесь, в ближайших переулках, – ответил Смок, – и мы его отсюда не выпустим.

– В переулках, – в голосе старшего слышалось недовольство. – Я те переулки знаю, там полк спрятать можно. Как же вы его выпустили из столовки? И задача пустяк – мужи-

ка изувечить, и деньги хорошие уже получены... Мать вашу! Совсем мышей не ловите.

– Ты волну не гони, ты этого мыша однажды ловил, еле откачали! – разозлился Смок.

– Вижу! – крикнул напарник.

Гуров воспользовался тем, что из магазина выходил высокий мужчина с коробкой на плече, и под его прикрытием выскользнул из дверей. Тут ему не повезло, из подворотни выкатился малыш на трехколесном велосипеде, сыщик сделал шаг в сторону и открылся.

Теперь решали секунды и везение.

Гуров рванул в сторону проспекта, за спиной звякнуло, стреляли явно с бульвара, с такого расстояния из пистолета не попасть. Он увидел кремовый «Мерседес», который подавал задом, распахнул дверцу, упал в салон.

Пуля шмякнула в борт машины, Станислав недовольно сказал:

– Увечить чужое имущество – дело нехитрое. – Нарушая все правила, крутанул руль налево, подрезал «Волгу» и ушел в туннель.

Через несколько минут они припарковались у министерства и вошли в здание.

– Надо сказать, работают против нас какие-то извозчики, – заметил Станислав.

– А где им профессионалов взять? – Гуров вызвал лифт. – Идет подковерная возня, под ковром используют мышей.

Никто не рискнет пустить в ход профессионалов. — Глядя в зеркало лифта, он поправил галстук, а Станислав не преминул заметить:

— Пальчики-то дрожат, господин полковник.

— Ну, извини! — Гуров развел руками.

Они молча миновали секретаря, вошли в кабинет генерала Орлова, где, на их счастье, никого, кроме хозяина, не было.

Петр Николаевич, который терпеть не мог мундир, сидел за письменным столом в свободной рубашке. Генерал писал — дело обычное, вызывавшее в сыщиках чувство вины и сострадания. Сами они писать докладные, рапорты и прочую бумажную мутатень терпеть не могли, а бумажное хозяйство — это тебе не задержание паршивого убийцы, оно оседает навсегда, за неловко составленную бумагу можно ответить и через год, и через десять лет. Как ты валялся в канаве и пуля чмокнула рядом, никто и не знает, а что написал пять лет назад — любому грамотному понятно.

Обычно оперативники чувствовали себя в кабинете начальника довольно свободно: четверть века вместе. Сегодня, доложив о прибытии, Гуров не отправился к открытой форточке покурить, а Станислав не оседлал стул, офицеры стояли если не по стойке «смирно», то и не слишком вольно.

О показаниях на Авилова решили пока не говорить, а о только что происшедшем и сказать-то было неловко.

Какие-то бандиты... Преследование... Стрельба... Несерьезно, да и в чем другом, а в оценке информации, анализе, отделении правды от вымысла Орлов был посильнее их обоих.

– Жидко обкакались, – сказал Орлов, продолжая писать. – Личное оружие прошу положить на стол. Полковник Гуров, позвоните генералу Кулагину, – он кивнул на телефонный аппарат.

Гуров набрал номер Кулагина, тот мгновенно узнал сыщика и облегченно произнес:

– Ну и слава Богу. Так это я за собой притащил?

– Видимо.

– Следует обмозговать.

– Ты нес что-либо взрывоопасное? – спросил Гуров.

– Есть немного. Я проанализирую ситуацию последних часов, попытаюсь выяснить, не подтолкнули ли меня. Но ты понимаешь, козырная масть сегодня абсолютно ни при чем, – убежденно сказал Кулагин.

– Ну да, трамвай сам с рельсов сошел, ехал себе, ехал, ему надоело, и он полем дернул...

Продолжая писать, Орлов отобрал у Гурова трубку, сказал:

– Отбой, – разъединился, сложил свои бумаги и будничным тоном продолжал: – Теперь, Лев Иванович, все сначала, подробно, до момента вашего входа в министерство.

Он взял лежавшие перед ним пистолеты, понюхал, отло-

жил, пробурчав:

– Уберите это, я не сомневался, что Тяжлов врет.

– Если начальник МУРа говорит, лучше провести экспертизу, – сказал уставший от долгого молчания Станислав.

– Сядь, Лева может курить. – Генерал откинулся в кресле и прикрыл глаза.

Первоначальные обращения по званию и имени-отчеству ничего хорошего не предвещали, сейчас, видимо, настроение у Петра изменилось, и они воспряли.

Гуров говорил четко, сжато. Свою беседу с буфетчицей уложил в три фразы, встречу с Кулагиным тоже в три, нападение в пять.

– Потом жалуешься, орденов мало дают. – Орлов выдохнул, словно слушал, сидя под водой, огладил редкие волосы и спросил: – Ты зачем к Попову полез?

О своем визите к вице-премьеру Гуров умолчал, на замечание начальника удивления не высказал и, не смущаясь, ответил:

– Мне однажды Мария, она, как известно, актриса, рассказала, мол, познакомились с неким вице, у него губы липкие, и хочет он непременно стоять за колонной и оттуда руководить. У нее выражение такое...

– Я понимаю, – перебил Орлов. – Не стыдно?

– Нисколько, – Гуров закурил новую сигарету. – Если не будем защищать тебя мы, то кто?

– А если ты будешь по Кремлю бегать и из стволов палить,

я тоже об этом не узнаю? Опустим. Что ты о чиновнике скажешь?

– Замазан.

– А ведь такого быть не должно. Ты что же, предполагаешь, и вся мистерия-буф с поимкой тебя и стрельбой тоже с того ковра? – насмешливо спросил Орлов.

– Не успел просчитать.

– А тут и считать нечего. У сановного чиновника не может существовать такой короткой связи с мелким криминалом. Тебя зацепили на телевидении.

– Но меня видели в коридоре, могли видеть выходящим из приемной. А глупый друг опаснее врага.

– Присказками объясняешься, своих мыслей не хватает. В тех коридорах много дерьма плавает, однако к отделению милиции они отношения не имеют. Ты учти, гений, когда информация снизу доверху пройдет и назад двинется, на твоём пути может оказаться человек с ружьем. – Лицо Орлова перекосило, словно он откусил от целого лимона.

– Петр Николаевич, если в твоих оперов стрелять перестанут, их следует в вахтеры переводить, – встрял Станислав, уставший молчать и изображать лишь зрителя.

Генерал повернулся к нему, потер шишковатый лоб, наконец вымолвил:

– Думается, Станислав, некачественно мы тебя используем. Одно оправдание, что семейный. Но ты не переживай, я тебя засуну, мало не покажется. – Орлов оценивающе взгля-

нул на Крячко. — Гуров на повышение идти не желает, так я тебя над ним начальником поставлю. А пока набросайте мне план мероприятий, которые вы собираетесь провести в свете происшедших событий.

Чиновник, стоявший на несколько ступенек ниже вице-премьера, ничего не ведая, дал команду Греку надавить на мента Гурова и вышвырнуть его с телевидения. Грек, опытный профессионал, хотел сказать, что полковник не тот человек, на которого можно надавить, а вышвыривают из помещения поломанную мебель, а не полковников-важняков. Но, поскольку не видел смысла спорить с начальством, молча кивнул и отправился выполнять. Он встретился с агентом, восстановил через него связь с одной группировкой, выяснил, что за тысячу зеленых ребята готовы поломать ребра кому угодно и прострелить ногу самому черту лысому. Но так как Грек знал, что фанфаронства и хвастовства у мелких авторитетов в несколько раз больше, чем ума и профессионализма, созвонился с коррумпированным ментом и попросил его подстраховать тех. После чего Грек вставил «жучок» в телефонный аппарат Кулагина и, как бы между прочим, обмолвился при нем, что знаменитый Гуров по убийству Голуба носом землю роет, а в деле наверняка участвовал Юрка Авилов с Белорусской. Но раз менты желают поднять дело самолично, то незачем им и помогать, пусть пашут.

Через пять минут Грек уже слушал разговор Кулагина с

Гуровым, а через некоторое время два «быка» ушли следом за контрразведчиком. Мент с его группой тоже были предупреждены. Грек на секунду потерял чутье, в результате чего вскоре получил известные результаты.

Утром следующего дня Грек явился к чиновнику, отнюдь не собираясь докладывать о проваленной операции, когда среди ясного, казалось бы, неба грянул гром.

Грек поджидал шефа в маленькой приемной, болтая с секретаршей, когда распахнулась дверь и хозяин вошел словно бы пьяный и совершенно без лица. Он прошел к себе, дверь оставил открытой, из чего Грек сделал вывод, что его вроде бы приглашают, и вошел следом.

Если бы Греку кто сказал, мол, чиновник пьющий, то Грек заявил бы уверенно, что это навет. Но он увидел своими глазами, как чиновник, робко пригубливавший шампанское на фуршете, стоит у шкафа в своем кабинете и, неверной рукой держась за открытую дверцу, пьет из горлышка коньяк.

Грек философски вздохнул, хотел тихо выйти; ясно, что с этим человечком кончено. Тут человечек оторвался от горлышка, глянул на Грека и завизжал:

– Уволю, мерзавец! Сгною!

Грек не подчинялся обезумевшему от страха человечку, служил в другом ведомстве. Он подошел, отобрал бутылку, сделал добрый глоток и сказал:

– Вернее отправить в подвалы Лубянки, я еще на пороге во всем признаюсь.

Чиновник тряхнул головой, взглянул на Грека, словно и не пил, уселся в свое кресло за столом, указал на кресло гостю. Когда тот сел, совершенно трезвым голосом спросил:

– Что это за вчерашнее дурацкое покушение на Гурова со стрельбой?

– Это не наша работа, – Грек привычно уставился на кончики ботинок. – Я о происшедшем понятия не имею.

– И я вам верю, – усмехнулся чиновник.

– Мне, признаться, наплевать, верите вы мне или нет, – сдержанно ответил Грек, взгляд не поднял. – И тот факт, что ваш шеф намылил вам шею, меня не касается.

Чиновник поправил отпавшую челюсть рукой, взглянул на Грека, увидел полковника ФСБ, наконец понял расстановку сил.

– Меня вызвал не шеф, я был у самого Валентина Николаевича.

Грек равнодушно пожал плечами.

– У вас своя команда, у меня – своя.

– А если Гуров разыщет убийцу и выйдет на вас? – Чиновника уже бесила не брошенная ему Поповым фраза «работать не умеете», а каменное равнодушие, даже презрение, исходящее от этого, казалось бы, маленького человека.

– Он не способен никуда выйти, кроме как на пенсию, – ответил Грек и позволил себе усмехнуться.

– Да? А знаете ли вы, что Гуров вчера был у Попова и они говорили минут пятнадцать?

Грек задумчиво потер указательным пальцем переносицу. Однажды он видел подобный жест у Андропова, почему-то испугался, и сам повторял его только в моменты крайней задумчивости. Попова перевербовали? Исключено. Делом бы занимался не Гуров. В любом случае вербовщик не являлся бы в кабинет вице-премьера, где свое присутствие объяснить не мог. Говорят, он неуправляем. Гуровым следует заняться серьезно. Зачем все-таки мент заходил к вице-премьеру? Нехорошо.

– Его следует убрать! – решительно произнес чиновник.

– Уважаемый, убирают хлам, а сильных противников ликвидируют. Простите, это мнение лично ваше или Валентина Николаевича? – Грек взглянул чиновнику в глаза.

– А зачем нам ждать, пока... – чиновник посмотрел на потолок, – они сами распорядятся?

Греку хотелось сказать, что сами никогда подобных распоряжений не дают, но он привычно промолчал. Он был согласен: при создавшейся ситуации Гурова желательно ликвидировать, если нельзя устранить. Для этого не требуется указаний сверху, достаточно его, Грека, распоряжения, но существуют трудности. Гуров не просто полковник, его не засунешь под грузовик или автобус. Для ликвидации Гурова нужен настоящий киллер. А они не грибы, на поляне не растут. Допустим, у Грека подходящий человек имеется, но в штучном варианте, а полковник не та фигура, на которую расходуется последний патрон. Второе, заказное убийство Гурова

поднимет на ноги всю ментовку. Да, многие его не любят, но это ничего не значит. Если заказывают элитного полковника, то неспроста, что-то готовится. И без того скверные отношения ФСБ и МВД ухудшатся. Сыщик не телезвезда, портрета в траурной рамке, телешоу не будет, но многие люди с оружием в руках приготовятся. И Грек прекрасно понимал, что в его полку офицеров отнюдь не прибавится.

Нет, Гурова трогать нельзя. Кого угодно можно, а Гурова нельзя. Министра, банкира, председателя крупной компании, если сумеешь, убей – и без последствий. По каждому случаю придумают десяток версий. А у Гурова только одна: сыщик шел по следу и допек, к самому горлу подобрался.

– Вы чего молчите? – спросил чиновник.

– Перечисляю причины, по которым нельзя ликвидировать Гурова, – равнодушно ответил Грек.

– И много насчитали?

– Порядочно.

– Поделитесь?

Грек осмотрел чиновника с ног до головы, будто оплевал, и вновь уставился на носки своих ботинок.

– А если Валентин Николаевич поинтересуется, что делается...

– У вас не поинтересуется, – неожиданно перебил Грек.

Встал, молча вышел из кабинета, зашел в отведенную для него комнатку, упал на стул, подвинул аппарат, набрал номер. Когда ответили, сказал:

– Здравствуй. Слушай, убери ты меня отсюда, сил больше нет.

– Да успокойся, его уже сняли, – ответил абонент. – А чего это ты вчера наворочал?

– Я лично ликер пил и в преферанс играл, – сказал Грек. – А если кто чего не так сделал, так всего не предусмотритишь.

– Дружище, ты срываться стал.

– Естественно, я же в психбольнице работаю. А что прикажешь с больным делать? Он вчера чуть не к главврачу отправился права качать, – Грек говорил спокойнее, даже улыбнулся.

– Ну, примени к нему терапию. Тот же аспирин еще никому не повредил.

– Хорошо. Но моего точно?..

– Точнее некуда. А ты держись. Сам знаешь, медицина штука хитрая. Неисчислимое количество жизненно важных органов у человека. Но если у него пульса нет, то это не человек, а труп. У тебя простая задача – держать руку на пульсе.

Комплекс неполноценности у него появился в момент понимания, что означает его имя. А звали его просто и по-русски – Сидор, а полностью – Сидор Иванович Авилов. Ну ничего особенного, и пока в детстве его кликали Сидом, Сеней или Саней, он и внимания не обращал, но когда в первом классе его прилюдно назвали полным именем и по классу прошел смехок, он сжался и вернулся домой зареванный.

– Маманя, что же вы мне и имя приличное сотворить не могли? Хорошо, училка у меня душевная, поняла, что мне не по нраву, и зовет Саней. Так ее уж поправляют, мол, ошиблись, Нина Александровна, его Сидором зовут. Ну, она тетка правильная, хоть и прихрамывает, да с характером, хлопнула ладонью по столу и говорит:

– Анатолий, как у тебя усы появятся, ты меня поправляй, а пока иди к доске.

Отбила его классная, мальчишки забыли про «Сидора», звали нормально – Саней. Он проникся к ней детской любовью, которую сохранил до окончания школы. Но в классе седьмом-восьмом, когда начали поглядывать на девчонок, писать записочки и обжиматься по углам, когда ребята стали определяться, кто в отличники, кто в спорт, а другой в школе решил устанавливать зону, оброки, налоги или просто дать однокласснику в глаз, парень промолчит, так как «спина» у драчуна здоровая, началось расслоение класса на группировки, пары, а то и одиночки.

Сидор имел имя смешное, а ум смышленный. В ученье ему усидчивости не хватало, а матери хватало фабрики и еще троих, он был среди мелочи старшой, еще две сестры и брат.

Несколько парней двинули на окружную, они в Москве рядом с железкой жили, не поймешь, город или деревня. Пройдут годы, здесь поднимутся самые элитные дома столицы. Нет, на Садовом люди будут продолжать жить и задыхаться, но каждый кузнец своего счастья.

Вот закончился седьмой, несколько человек в техникум ушли, но Сид, так он решил себя называть, батю и рабочий люд видел, и такая дорога ему не нравилась. Харкота с мокротой и чернью, пьянка после гудка, а в субботу и воскресенье – под гармошку и до отвала. В общем, техникум отпал. Но Сид Авилов понимал, лошадей погонять рано. Еще три года в школе, и в ней определиться надо. Шахматы и скрипки отпали, большинство корешей летом мотанули из города, и парень зашел на пыльный стадион. Тут ему «повезло», понравилась красotka старше возрастом, и он часами смотрел, как она бежит, и не подходил. Он здесь ни ростом, ни мастью не проходил и понимал это. Он с раннего детства довольно точно, реально оценивал свои возможности. Девчонке лет восемнадцать, фигура – обалдеть можно, но после тренировки за ней заезжают парни, она переодевается и уезжает принцессой. У него были сатиновые штаны, кеды на босу ногу, футболка, которую он звал мустанг, в какой-то книжке вычитал.

Стадион решили привести в порядок, может, праздник ожидался, и дворник свистнул пацана, дал подержать шланг, полить газон. Через три дня он уже работал, грабли, лопата, тот же шланг, и вперед. Сколько ему заплатят, он даже не говорил, потому что не знал цену деньгам или по другой причине, неизвестно.

Он приходил на стадион на рассвете и уходил в сумерки. Футбол, баскетбол, волейбол, ему было едино, но если ладо-

ни от мяча в мозолях, то и медведь научится, а рядом занимались разрядники, и он за ними подглядывал, учился. Никакими способностями он не обладал, был нормальный, здоровый подросток. В яме для прыжков валялась гиря, он ее кое-как отшкурил, сначала просто таскал, потом стал поднимать один раз, а через месяц два раза, время незаметно летит, хотя летом день и длинный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.